

Эшли ДЬЮАЛ
**СМЕРТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНА**

КОГДА В ГОСТИ ПРИХОДИТ ДЬЯВОЛ

Annotation

Астерия — небольшой городок на Восточном Побережье, куда переезжает семнадцатилетняя девушка — Ариадна Блэк.

Ариадна потеряла семью, и теперь ей придется жить с двумя мамиными сестрами — Норин и Мэри-Линетт Монфор. С виду добрые и заботливые, они заперты в четырех стенах своего старинного особняка Монфор-л'Амори.

Вскоре Ари замечает, что жителям Астерии совсем не нравятся ее тетушки. Более того, соседи их боятся. Но почему?

И главное — стоит ли Ари бояться самой себя?

Эшли Дьюал

Смертельно прекрасна

© Эшли Дьюал, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Эшли Дьюал — начинающий талантливый автор современной молодежной литературы. В ее копилке несколько произведений, написанных в различных жанрах и с восторгом принятых читателями разных возрастов.

*Мы смотрели в лицо смерти,
И смерть моргнула первой.*

Рик Янси. Пятая волна

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое. Постоянно. Ежедневно. Мы стараемся не обращать внимания, но этот шар все кружится, и на наши головы выпадают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще. Возможно, даже лучше.

Я, например, терпеть не могу разговоров с предками об учебе. Каждый раз, когда они заводят эту песню — а делают они это довольно часто, — я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с обрыва. Неплохой выход. Учítывая, что нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери чертовски раздражают. Спрыгнуть с какого-нибудь утеса легче, чем в очередной раз выслушать их байки о будущем и прочей чепухе. Однако каждый раз мне приходится возвращаться к реальности, и я просто киваю. Порой приходится кивать дважды, чтобы мама перестала причитать. Уж если она начинает, то остановить ее сложно.

— Ты ведь особенная...

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. А я считаю ее наставления глупостями, но молчу, иначе она расстроится. Она жутко впечатлительная. Иногда я думаю, что она удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. Настоящую историю. А не ту, в которой толстый мужик лазит по трубам и разбрасывается подарками.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окнами машины ни черта не видно.

Дворники ритмично скребутся о лобовое стекло. И нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в супермаркет на отшибе мира. Не то чтобы я так уж хотела сейчас сидеть на занятиях, просто такие совместные поездки вечно заканчиваются одинаково. Сцеплюсь с матерью — вступает отец. Ну и, в заключение, заноеет сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недоумкам, которые не заботились о своем будущем и поэтому погрязли в омуте собственного безумия. Она реально считает, что у меня есть что-то общее с этими маньяками? Да, мама всегда придет на помощь. Но плохо то, что она пытается помочь даже тогда, когда помощь мне не требуется. Одна из вещей, которая мешает нам понять друг друга.

— Ты не пробовала записаться на дополнительные занятия по рисованию?

— Да пошло оно все, мам.

— Ари! — Она оборачивается, смотрит на меня огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. И дело не в крепких выражениях. Ругаться я могу сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя забывать о мать-его-прекрасном-будущем. Мама возвела целый храм поклонения какому-то там будущему, которого может и не случиться! Нет чтобы сказать: Ариадна, забудь о дополнительных занятиях, они для неудачников. Ариадна, прислушивайся к себе и своим желаниям. Нет! Ари, цепляйся за все что только можно и несись вперед так, будто за тобой мчится поезд!

— Мам, я слушаю музыку.

— Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и отворачиваюсь.

— Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю, — вздыхает мама. В ее потускневших глазах неожиданно мелькает печаль. — Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

— Мам, к чему все это? Что за упадническое настроение?

— Просто... — Она застывает, так и не договорив. Отец посматривает на нее с тревогой. Мама встряхивает темными волосами и вновь ровно усаживается на сиденье. — У меня плохое предчувствие.

— Предчувствие? Опять эти твои шпучки, — я закатываю глаза, — что на этот раз? Увидела дурной знак в чайной заварке или сон плохой приснился?

— Ари, — протягивает отец, — хватит.

— А что? Мне просто интересно. Вечно тебе что-то в голову взбредет, а мне отдуваться.

— Я когда-то ошибалась? — Мы с мамой вновь смотрим друг на друга. Взгляд ее карих, почти черных, глаз проникает внутрь меня, заставляя съежиться от непонятного ощущения. — Стоит ли напоминать о том дне, когда ты...

— О, нет!

— ...решила сходить на свидание с Беном МакКаффи? Я говорила, не ходите в кино. Но ты, конечно, назло мне и всему миру, согласилась на фильм, как он назывался? По-дурацки как-то.

— «Всегда говори всегда», — подсказывает папа.

— Да, точно. А потом... что случилось потом?

— Хватит, — я чувствую, что краснею, — ма-а-ам!

— Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подружка Синтия. И Бен целый вечер не мог глаз от нее оторвать.

— Это нечестно. Такое один раз случилось.

— Такое постоянно случается, — смеется отец. — Ты вечно нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные занятия, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

— Собственное мнение.

Мама вскидывает руки. Лора повторяет ее жест, будто играет в какую-то игру, а я вздыхаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно не ругаться, а просто разговаривать?

Покрышки шуршат по мокрому асфальту. Папа все поглядывает на меня, криво улыбаясь. В салоне жарко, окна запотели, капли скатываются по стеклам, как слезы по щекам Лоры, когда та ревет из-за мультиков. А затем неожиданно впереди что-то вспыхивает. Мама кричит, но я не разбираю слов. Папа выворачивает руль, и машина слетает с обочины напрямиком в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое. Постоянно. Ежедневно. Мы стараемся не обращать внимания, но этот шар все кружится, и на наши головы выпадают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще. Возможно, даже лучше.

Но мы не всегда понимаем, что значит «лучше», что значит «плохо». Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот самый момент, когда Лора, этот маленький, надоедливый монстр, застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родителей бросает вперед от сильнейшего удара, я

понимаю, что готова жить в том «плохом», которое у меня было. Что мое «плохое» — на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после — ничего.

Глава 1

Астерия

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь возле двухэтажного особняка. Захлопываю дверь машины и скептически осматриваю свое новое место обитания. Дом старый, но выглядит прилично. Черная крыша, стены сероватые. Я плохо разбираюсь в архитектурных стилях. Здесь определенно жило не одно поколение Монфор-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибется, называя ваше имя.

Дует теплый ветер — южное приветствие южного городка Астерия.

Я закрываю глаза и втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить. Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил моего разрешения, когда выехал на встречную полосу. И в больнице меня не спрашивали, назначая терапию. Собственно, социальный работник тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, живущим на неплохое наследство, оставленное прадедушкой. За меня все решили. Мне остается лишь делать вид, что я живу, что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю из багажника тяжелые сумки и на автомате плетусь к дому. Толкаю скрипучую калитку, медленно иду по каменной дорожке. Притаившийся на дереве ворон громко каркает.

Бросив сумки на коврик перед дверью, трясую головой и прохожусь ладонями по лицу. «Просто плыть по течению». Это все, что нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. Он пообещал мне. На это я ответила, что он идиот, что все это полная чушь, и что, если он продолжит нести нечто подобное, я выбью его идеальные зубы. Вот такими мы обменялись обещаниями. И он больше никогда не втюхивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

Набрав в легкие воздуха, собираюсь постучать, но дверь неожиданно распаивается, и я едва не проваливаюсь в пустоту.

— Ариадна, — улыбается на пороге тетя Мэри-Линетт. Глаза у нее светло-изумрудные. Таких я никогда прежде не видела. — Наконец-то ты приехала!

Мэри-Линетт назвали в честь сразу двух кинозвезд далеких пятидесятых. Родители долго не могли определиться, какое из имен ей больше подходит, и в итоге решили не заморачиваться.

Моя мама часто рассказывала эту историю. Каждый раз смеялась. Мама.

Я отворачиваюсь и сжимаю кулаки. Мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивают лоб и щеки.

— Ариадна, — тетя Мэри кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. — Когда-нибудь тебе станет легче.

— Что?

— Проходи в дом. Норин почувствовала, что ты скоро подъедешь, заварила чай, подогрела ужин. Ты ведь проголодалась? — Она смотрит на меня огромными глазами, а я вдруг понимаю, что мне давно не было так спокойно... Но едва тетя убирает руку с моего плеча, как тревога тут же возвращается.

— Мне нужно...

— Не стой на пороге. Я занесу вещи.

Мэри-Линетт энергично подхватывает сумки. Откуда у нее столько сил? На самом деле Мэри старше меня всего лет на десять. И в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не поняли, в какое дерьмо вляпались. Жизнь ведь дерьмо. Я могу написать об этом книгу.

В доме темновато, пахнет какими-то травами. Повсюду на стенах старинные зеркала и черно-белые фотографии. Половицы скрипят под ногами. Громко тикают часы.

— Ты хорошо выглядишь, — улыбается тетя Мэри, — просто красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

— Ничего я не разбила. И выгляжу я обычно. — Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто бы все в порядке, будто бы болтать о парнях сейчас — нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по тетушкам. Умерли мои родители. И я не могу просто взять и выбросить это из головы.

— Было бы неплохо как-нибудь прогуляться, Ари. Я покажу тебе город.

— Было бы неплохо свыкнуться с мыслью, что я здесь. А не дома.

Мэри-Линетт вздыхает, но улыбаться не перестает. Не понимаю, как она так может? Почему еще способна разговаривать? Почему улыбается, будто ничего не случилось?

В уютной кухне возле плиты стоит средняя сестра моей матери — Норин. Высокая худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Тонкими длинными пальцами она рвет листья салата в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосые туфли. Наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки на пол. Тетя Норин наконец оборачивается, сощуриив серо-голубые глаза.

— Ариадна? — совсем тихо произносит она, вытирая ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, Норин будто прилетела из девятнадцатого века. — Ари.

Тетя решительно шагает ко мне и вдруг так крепко прижимает к себе, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони на ее плечи.

— Как ты? — шепчет она мне в волосы. — Устала?

Не найдя, что ответить, молча зажмуриваюсь и неожиданно понимаю, что провела бы в этих объятиях вечность. Но тетя так же решительно отстраняется и поправляет высокий ворот свитера.

— Садись. Поешь и выпей чаю. Я приготовила тебе комнату на втором этаже. — Норин отворачивается и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то. — Ты любишь мяту?

Едва успеваю открыть рот, как тетя отвечает:

— Да, любишь. Точно.

Растерянно усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, сцепляет в замок пальцы. В кухне повисает неловкая тишина, будто мы видим друг друга впервые. Я смущенно тереблю волосы, связываю их в пучок.

— Как доехала? — деловым тоном интересуется Норин.

— Хорошо. Без проблем.

— Мы отдали твои документы в школу. Занятия уже идут. Но...

— Но идти завтра необязательно, — громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру, — если хочешь, отсидись тут пару дней... или недель. Ничего не случится.

— Хотя лучше, — спокойно парирует Норин, — уроки не пропускать. Все-таки начало года...

— Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

— В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

— А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

— Ей нужно ходить в школу.

— А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить, — шепчет она, наклонившись ко мне, а затем вновь смотрит на сестру. — Ариадне надо освоиться. Вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Я лишь растерянно хлопаю ресницами. В воздухе чувствуется напряжение. Ну и странные же у них отношения.

— Как скажете. Завтра в школу? Хорошо.

— Мы так не говорили...

— Я так сказала, — заявляет Норин холодным тоном.

— Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

— Я сейчас дам тебе понюхать асафетид, — угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетид — это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

— Все в порядке, вы чего? — Я примирительно поднимаю ладони и встаю из-за стола. Обе тетуски внимательно смотрят на меня. Никогда раньше не замечала, что они так похожи. — Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

— Это необязательно.

— Тетя Мэри, все в порядке. В школу пойду, чтобы хоть чем-то занять мысли.

— Реджина бы хотела, чтобы ты пошла, не пропускала занятия и не теряла время, — шепчет Норин. — Потому что надо двигаться дальше. Я хочу, чтобы ты двигалась дальше. Понимаешь?

Она смотрит на меня проницательным взглядом, а затем отворачивается, и я с силой сжимаю пальцы в кулаки.

— Понимаю. Я в комнату пойду, хорошо?

— Тебя проводить? — тетя Мэри встает со стула, но я покачиваю головой.

— Не надо. Я спущусь попозже, — я пытаюсь улыбнуться, но выходит плохо. Тетя Мэри бледнеет. — Все в порядке. Честно.

Зачем я это говорю, кого пытаюсь убедить? В горле застревает колючий ком. Подхватив с пола сумки, я срываюсь с места, надеясь поскорее найти свою комнату и спрятаться.

Наконец дверь захлопывается за моей спиной. Бросаю на пол вещи. Хватаюсь ладонями за лицо и невольно начинаю расхаживать по комнатухе туда-сюда. Я ничего не вижу. Все превращается в огромное черное пятно, и оно сваливается на меня, будто гигантский камень. Внезапно я вижу свое отражение в большом прямоугольном зеркале. Со мной что-то не так. Подхожу ближе. На щеках мокрые дорожки, глаза красные, а губы дрожат, словно от холода. Я пытаюсь успокоиться, но грудь так и пылает неистовым, безжалостным пожаром... Надо успокоиться. Закрываю пальцами глаза, а слезы все равно катятся. Сжимаю зубы, а подбородок все равно дрожит. В конце концов я беспомощно ложусь на кровать, обняв колени. Доктор сказал, что однажды мне станет легче. Какой же он все-таки улюбленик.

Не знаю, сколько проходит времени, час или два. Нужно найти в себе силы подняться. Что ж, комната совсем небольшая. Стены черные, широкое окно, серый тюль. Мне нравится. Люблю полумрак. Чувствую себя спокойнее, будто темнота способна скрыть то, чем я не

хотела бы делиться.

У стены небольшой деревянный комод и стол. Особо не заморачиваюсь, раскрываю сумки и просто запихиваю вещи в ящик. С трудом, но все же закрываю комод. Из книг на столе сооружаю шаткую пирамиду. Сойдет. О том, что надеть в школу, даже не думаю, тем более что я не собираюсь ни на кого производить впечатление.

Переодевшись в мятый свитер и любимые старые кроссовки с протертыми пятками, выхожу из комнаты. Мне нужно освежиться.

Тетушек встречать совершенно не хочется. Поэтому стараюсь ступать осторожно, чтобы не скрипеть половицами. Дом я знаю плохо и крадусь к выходу с грацией бегемота, то и дело задевая что-то в темноте. У порога едва не сбиваю с подставки вазу с ярко-сиреневыми орхидеями, но каким-то чудесным образом мне удается подхватить ее на лету. Лоб покрывается испариной.

Повернув ручку входной двери, испуганно цепенею, увидев бледное лицо тети Мэри с горящими глазами.

— Ари?

Вот же лажа! Кажется, она давно меня тут поджидает.

— Я просто хотела...

— Что хотела?

— Прогуляться.

Мэри-Линетт выпрямляет спину, поглядывает на меня с недоверием:

— Гулять ночью одной — глупая затея.

— Астерия — криминальный городок?

— В каждом городе свои опасности. — Тетя Мэри расслабленно опускает плечи, на ее губах появляется легкая улыбка. — Я с тобой пройдуся.

— Мне ведь не пять лет, тетя Мэри.

— Мне, знаешь ли, тоже, но я предпочитаю не ходить одна. И тебе не советую, — тетушка закрывает дверь и решительно подхватывает меня под локоть.

В небе ни звезды. Мы шагаем по пустынным улицам, не успевшим еще остыть от дневной жары. Из открытых окон доносятся чьи-то голоса, веселая музыка, а я все пытаюсь осознать, что теперь здесь мой дом, но не получается. Этот городок совсем мне чужой, пусть и очень красивый.

— По-моему, ты преувеличила, когда сказала, что здесь второй Детройт.

— Я просто не хочу, чтобы ты бродила ночью одна по незнакомым улицам.

— Ну, ладно, выкладывай: ты что, поджидала меня у порога?

— Да тебя было слышно даже на улице, — усмехается тетя Мэри, и черные локоны каскадом падают с ее плеч.

— Ну, мне еще не приходилось тайком убегать из дому.

— О, я в свое время поставила рекорд.

— И почему ты убегала? — Я с интересом разглядываю Мэри-Линетт. Она красивая. Если тетушка и сбегала из дома, то на свидания с плохими парнями.

— По разным причинам...

— Например?

— Например, меня раздражали все эти многочисленные правила. Ты же знала бабушку... — Мэри бросает на меня понимающий взгляд и вновь улыбается. — С ней трудно было спорить.

— Что за правила? — Я тоже почему-то усмехаюсь. — Вообще-то мама не говорила, что Силест держала вас в ежовых рукавицах.

— Может, потому что твоей маме меньше всех доставалось. Знаешь, Реджина никогда не была любимицей в семье, но она всегда все делала правильно, и придраться к ней было невозможно. — Тетя Мэри тяжело выдыхает. В ее взгляде проносится целый ураган эмоций. — Она была хорошим человеком.

— Да. — Я стискиваю зубы. — Была.

— Знаешь, что самое смешное? Мы с Норин вечно ссорились с бабушкой, рвались на свободу, будто одержимые, а Реджина слушала ее. Всегда. Но именно она уехала из Астерии первой.

— Как она решилась?

— Влюбилась.

— Серьезно?

— Ну да. Встретила Лукаса, за глаза мы называли его Люк, и завертелось. Мне было тринадцать, когда ты родилась. Я мало что понимала. Но заметила, что твоя бабушка тогда будто выдохнула, словно с ее плеч свалился тяжелый груз. Она как-то успокоилась! Я не знала, в чем дело. А сейчас...

— Сейчас знаешь?

— Отчасти. — Тетя Мэри пожимает худыми плечами. — Извини, что я... говорю о Реджине...

— Нет, что ты. — Энергично киваю я и прижимаюсь ближе. — Ты словно возвращаешь мне ее. Правда. Мне хочется тебя слушать.

— Ты смелая, Ари.

— Наверное... — Я вдруг чувствую, что в груди что-то покалывает. — Стоит отпустить маму, Лору, отца.

— Если у тебя это получится, поделишься секретом, — горько улыбается Мэри-Линетт и вновь смотрит на меня пристально. — Вряд ли кому-то удавалось избавиться от воспоминаний. В отличие от хороших плохие воспоминания остаются с нами надолго.

Становится прохладно. Я поправляю волосы и оглядываюсь. На другой стороне дороги стоят две женщины. Они смотрят на нас так, что мне делается не по себе. Я дергаю тетю за рукав:

— Что это с ними?

Интересно, здесь все такие дружелюбные? Я чувствую, как Мэри-Линетт сжимает мою руку и ускоряет шаг.

— В чем дело?

— Ни в чем. Не обращай внимания.

— Странно. Чего они пялились? Дай угадаю: новички в Астерии не в почете?

— Ты тут ни при чем.

— Тогда что?

— Это долгая история, — отмахивается тетя. Я заинтригована. В Северной Дакоте никто не стал бы церемониться и уже давным-давно врезал бы любопытным соседям по лицу. — Нашу семью в Астерии недолюбливают. Ты же знаешь.

— Мне казалось, это выдумки.

— От предков нам досталось не только наследство, но и глупые предубеждения, — хмыкает Мэри-Линетт и тянет меня в обратную сторону. — Думаю, нам пора возвращаться.

— Но чего именно боятся люди? — Я хмурю брови. — Мама ничего мне не рассказывала об этом.

— И хорошо. Иначе спала бы ты, моя дорогая, по ночам совсем не сладко.

— Тетя Мэри...

— Ну, что ты как маленькая?

— Но мне интересно.

— Нет в этом ничего интересного, — Мэри-Линетт печально вздыхает и шепчет так тихо, что я едва различаю слова, — я бы многое отдала, чтобы никогда об этом не знать.

Глава 2

День первый

Вообще-то я собиралась поехать в школу на маминой машине. Но утром сквозь серые занавески пробилась такая яркая солнечная лучи, что я не поверила своим глазам.

В Северной Дакоте большую часть года промозгло и холодно. Погожие деньки настолько редки, что успеваешь забыть, каково это — нежиться утром на солнышке. Может, это и глупо, но меня охватило желание пройтись по солнечной Астерии.

Кое-как причесав торчащие после душа волосы, я застыла у комода. Вещи вытащила наугад. Старую футболку «Рамоунз» и не самые любимые джинсы. Потертые и дурацкие. Я нашла их на барахолке и отдала всего три бакса. Экономия стоила того. Сидели они вполне нормально.

Я никогда не переезжала из города в город, поэтому понятия не имею, что нужно взять с собой в новую школу. Оглядываю комнату, а затем пожимаю плечами. Какая разница? В конце концов, не съедят же меня, если я не возьму пару лишних тетрадей. Ну, а если и скажут что-то, то пожалеют. Школу я никогда не любила. Правда, есть одна проблема: тут я — никто. Нет отца, который бы встал на мою сторону, что бы ни случилось. Нет мамы, которая взорвала бы мозг моим обидчикам своими психологическими примочками. Тут я одна. Меня никто не спасет, не прикроет, придется самой отвечать за свои поступки. А если учесть, что у семьи Монфор здесь не так много друзей...

Спускаюсь по лестнице, скользя ладонями по шероховатым перилам. Этот дом такой старый. Но есть в нем что-то завораживающее. По этим ступеням ходила моя мама, моя бабушка и ее мама. Разве в это так просто поверить? О, нет. Как представлю призрачные тени, гуляющие по мансарде, даже душа леденеет.

— Ари, подойди на минутку, — слышится из кухни голос тети Норин, и я послушно иду к ней, на ходу разминая плечи. Поспать нормально не получилось. Всю ночь ворочалась, думая о том, о чем хотела бы забыть. — Твой завтрак и обед.

Тетя Норин, одетая в свитер и плотные брюки, протягивает мне пакет.

— Спасибо, — благодарно улыбаюсь и прячу еду в сумку.

— Ты прекрасно выглядишь, — Норин смущенно сцепляет в замок руки. Такое впечатление, будто она всеми силами старается выглядеть отрешенной. — Тебе говорили, что ты очень похожа на бабушку?

— Да. Ведь ни у кого в нашей семье больше нет огненно-рыжих волос.

— Глаза у нее тоже были изумрудными, — задумчиво проговаривает тетя, приближаясь ко мне почти вплотную. — Поразительное сходство.

Не знаю почему, сравнение с бабушкой заставляет меня леденеть от ужаса. Будто речь идет не о Силест Монфор, а о чужом опасном человеке.

Я уже собираюсь уходить, но тетя Норин останавливает меня:

— Подожди, совсем забыла! — Шагнув к кухонному шкафу, тетя долго что-то ищет, бормоча себе под нос, и наконец протягивает мне пучок каких-то растений. — Держи.

— Эммм... — я растерянно поднимаю брови, но все же принимаю подарок, — что это?

— Люцерна.

— Люцерна?

— На удачу, Ариадна. Станет страшно, просто прикоснись к ней. Волнение исчезнет, обещаю.

Так-так, мамины штучки. Она тоже любила эту магическую околесицу. Трава, приносящая удачу? Почему бы и нет, верно?

— Спасибо, — натянуто улыбаюсь я.

— Я серьезно, — будничным тоном поясняет тетя Норин. — Мысли материализуются, а люцерна поможет тебе направить их в нужное русло.

— О'кей. Как скажешь.

Прячу пучок травы в сумку и направляюсь к двери. У меня чокнутая семейка. Если все Монфор-л'Амори верили в то, что травы приносят удачу, а сны становятся явью, — неудивительно, что никто не рвался с ними общаться.

Уже на улице замечаю, что улыбаюсь. После смерти родителей и Лоры мое сердце превратилось в глыбу льда. Несколько долгих месяцев я не могла даже слова произнести, не то что улыбнуться. Возможно, я смогу привыкнуть, смогу жить дальше.

Я хочу верить в лучшее, прыгать с крыши я не собираюсь. Либо я возьму себя в руки и переживу ту боль, что горит в моей душе, либо согнусь под ее тяжестью и проведу остаток жизни, перебирая воспоминания.

Что я выберу? Или точнее — на что у меня хватит сил?

Астерия — небольшой городок. Уверена, почти все уже знают о моем приезде. Мне даже мерещится, что за мной кто-то следит! Да уж. Я постоянно оборачиваюсь и натываюсь на удивленные настороженные взгляды. Так и хочется вернуться домой и вытрясти правду из тети Мэри. Почему здесь так относятся к нашей семье? Да, да, тетя Норин десять минут назад уверяла меня, что букет засохших цветов каким-то волшебным образом поможет обрести уверенность в себе. Ну и что? Я вдруг думаю, что они меня боятся. Но с какой стати? Все это очень странно.

Я плутаю, понятия не имея, куда идти. Господи. Что же это такое. Неужели в таком крошечном городке можно заблудиться? Школа должна быть в центре! И все улицы должны вести к центру. Разве не так?

— Я идиотка, — запустив пальцы в волосы, застываю в очередном тупике. Мне бы дорогу спросить. Едва оборачиваюсь, прохожие начинают идти быстрее. Мамочки подталкивают детей, мужчины закрывают в машинах окна. Все это меня не просто удивляет, а раздражает. Что они творят? — Дьявол.

— Я бы на твоём месте так не выразался, — незнакомый голос звучит неуверенно, если не заторможенно.

Невысокий парень, на вид мой ровесник, стоит, прислонившись к стене. Прямоугольные очки, неуклюжие, ужасно древние кроссовки и зачесанные на бок — ох, реально ведь — волосы. Я прыскаю от смеха:

— Что?

— Я про дьявола.

— А что с ним не так?

— Когда такие слова слетают с языка представителя семьи Монфор, на улицах становится пустынно. Так что, если ты не хочешь неприятностей...

— Каких еще неприятностей? Ты вообще кто такой?

— Я — Хэрри. Или, если быть точнее, Хэйдан Эбнер Нортон. — Парень неожиданно подскакивает ближе и жмет мне руку так, что пальцы сводит от боли. — Приятно

познакомиться.

— Ага. Не то слово, — потирая руку, разглядываю незнакомца. Ох, ну и видок у него! Придется быть милой, хотя обычно с этим у меня проблемы. — Мне пора, я в школу опаздываю, прости. До встречи!

Которой не будет.

Через секунду парень уже пристраивается справа от меня и причмокивает жвачкой. Вот же черт! Разве можно быть таким навязчивым? Хотя, какая разница...

— Я тебе не понравился? Впрочем, я никому не нравлюсь, — гордо заявляет он, и я с интересом поглядываю на нового знакомого. Странный парень. — Но я могу проводить тебя до школы.

— С чего ты взял, что меня нужно провожать?

— Ну, ты плутаешь тут уже минут двадцать.

— Я не... эй! — притормаживаю перед пешеходным переходом, чувствуя, как грудь от возмущения наливается кипятком. — Ты что, следил за мной?

Парень покачивает головой, будто подбирая слова для ответа, а затем просто произносит:

— Да.

— Да? Ого, какая откровенность!

— Ты бы все равно узнала правду.

— И каким же образом?

— Ну как же. Все эти вуду-штучки семьи Монфор. — Хэрри, или как его там, с усмешкой подталкивает меня вперед, когда загорается зеленый. Вот же наглец! — У нас с тобой на самом деле много общего.

— Да неужели...

— Ну, я так думаю. Ты забрела в тупик, а я в тупике последние шесть лет.

— Почему именно шесть?

— Потому что ровно столько я учусь в старшей школе.

— И чем плоха старшая школа в Астерии?

— Любая школа плоха, когда у тебя нет друзей. — Парень чавкает жвачкой и пожимает плечами.

— Ну, знаешь... Кто захочет дружить с парнем, который устраивает слезку за людьми на улицах? Кому такое понравится? Кажется, в законе даже статья такая есть.

За разговором мы подходим к невзрачному четырехэтажному зданию школы. Хэрри, или Хэйдан — ну и имечко! — опускает глаза и засовывает руки в карманы. А я с интересом изучаю стоянку и школьные баннеры, нарисованные чьей-то кривой рукой. Да уж. Больше похоже на тюрьму для несовершеннолетних.

— Что ж, Хэрри, — я задумчиво прикусываю губу и смотрю на парня. У него красивые глаза. Жаль, что они скрыты за неуклюжей оправой, — Расскажи мне, зачем ты меня преследовал?

Хэрри поправляет рюкзак и вдруг резко наклоняется, когда какие-то парни в форме школьной футбольной команды проходят мимо. А ведь ему здесь серьезно достается. Парень робко косится в сторону удаляющихся спортсменов:

— Я живу рядом. Поэтому и шел за тобой. Думал, ты заблудилась.

— Так ты пытался мне помочь? Мило. — Впрочем, это совсем не мило, но мне вдруг хочется подбодрить этого странного парня в необъятных очках. Я здесь еще никого не знаю.

Вот и первое знакомство. Мне даже становится весело.

— Может, пообедаем вместе? Расскажешь, что и как?

— Ну, я... — Хэрри растерянно осматривается, а затем вновь глядит на меня и переспрашивает: — Что? Ты серьезно?

— Вполне.

— Звучит здорово. Вернее, класс, да. — Парень улыбается. И улыбка у него красивая. Ему просто надо сменить имидж, тогда и друзей прибавится.

— Меня зовут Ариадна.

— Хэрри.

— Я помню.

Парень хлопает себя по лбу:

— Ну, тогда увидимся, верно?

— Ага, — киваю я и закатываю глаза. Парни. — Пока.

Мы расходимся, а я почему-то снова улыбаюсь. Уже второй раз за день! Или третий? Может, тетя Норин права и эта — как ее там — люцерна действительно приносит удачу?

Темно-желтый административный корпус школы окружен зданиями из красного кирпича. На площадке перед главным входом толпятся подростки. Многие, не стесняясь, рассматривают меня, но я делаю вид, что слишком увлечена своими мыслями, и не реагирую. Они могут пялиться хоть весь день. Мне все равно.

Резкий свет люминесцентных ламп в школьном коридоре заставляет меня щуриться. На окнах — ни жалюзи, ни занавесок. Все открыто, все гласно, все на виду. Никаких тайн и загадок. Мне кажется, скажи я тут хоть слово, меня услышат все. Что ж. Только попробуйте задеть меня.

Девушки улыбаются, но отворачиваются, едва я прохожу мимо. Очень тактично! Парни, напротив, смотрят почти плотоядно, будто изголодавшиеся животные. Пара спортсменов в бело-синей форме, проходя мимо, задевают меня плечами. Оборачиваются и хохочут. Это что, такой способ снять подружку? Класс!

Машинально одергиваю футболку. Понятия не имею, куда идти, но мне нужно раздобыть расписание занятий.

Вспоминаю о дурацком пучке травы, подаренном тетей. А вдруг и правда поможет?

Так. Как это работает? Сжимаю в пальцах растения. Наверняка надо попросить. Ну что ж: дорогая люцерна, я — Ариадна Блэк, и я очень хочу найти кабинет администрации. Мне осточертело ходить по этим одинаковым коридорам, смотреть на эти лица и мечтать о том, как я уношу ноги. Пожалуйста, направь меня.

Замираю в ожидании... Не работает. Нужно просить лучше? Хорошо: обещаю, что постараюсь посещать почти все уроки. Вновь смотрю по сторонам. Ну и, возможно, я даже улыбнусь кому-то. Черт возьми. Ничего не получается!

Растерянно застываю возле какого-то яркого плаката. Я хочу выглядеть сильной, хочу казаться равнодушной и уверенной. Но на самом деле мне страшно. Меня никогда не заносило так далеко от дома, я никогда не была одна. Меня окружают чужие люди, напряженные лица, настороженные взгляды.

— Мисс Блэк?

Передо мной возникает седовласый мужчина со смешными усами и горбатым носом. Он одет в простой черный костюм, на рукавах рубашки поблескивают серебряные запонки.

— Ариадна Блэк? — повторяет мужчина.

— Да. Это я.

— Отлично! Я — директор Барнетт. Чего вы тут стоите?

— Если честно, я заблудилась.

— Серьезно?

— Ну, у вас тут целый лабиринт, — пытаюсь шутить я.

— Что ж, моя дорогая, тогда я вас провожу. Кстати, — директор улыбается и подходит так близко, что я чувствую запах его дурацкого одеколona, — вам знакомо словосочетание «Нить Ариадны»?

Я удивленно поднимаю брови, а его улыбка становится еще шире.

— В греческой мифологии именно Ариадна помогла Тесею, сыну Эгея, найти выход из лабиринта! И собственно, наши коридоры не должны были доставить вам неудобства. — Мы шагаем мимо очереди кабинетов, мистер Барнетт вежливо ждет ответа, а я даже не знаю, что сказать.

— Наверное, растерялась, — пожимаю плечами я.

— Будет вам! С чего бы? Хотя... — мужчина отмахивается, открывает дверь и пропускает меня вперед, — не отвечайте. Я догадываюсь, в чем проблема.

— Правда?

Мистер Барнетт кивает, приподняв уголки губ, а затем усаживается за огромный деревянный стол, заваленный документами, папками и прочей дребеденью. Солнце освещает его лицо, и я почему-то думаю, что директору нет и пятидесяти. Слишком молод его голос.

— Мы в Астерии судим о людях по их родственникам, — ворчливо протягивает он. — У вас они довольно интересные, вы понимаете, о чем я. Так что совсем неудивительно, что здесь вам не доверяют, мисс Блэк. Издержки средневековья. Недостатки воспитания.

— Южное гостеприимство, — фальшиво улыбаюсь я.

— И то верно! Однако хочу, чтобы вы понимали: с того момента, как вы пересекли порог моей школы, у вас началась новая жизнь. И меня не волнует это, — он кивает на толстую папку с моим личным делом, — и это, — теперь он указывает на какой-то лист с круглой синей печатью. — Ваше прошлое осталось позади. Я забуду о нем и вам советую. А люди... переубедите их.

— В смысле?

— Они считают вас такой же странной, как ваши тетушки. Норин и...

— Мэри-Линетт.

— Верно! — Он щелкает пальцами. — Вылетело из головы.

— Не понимаю, чем мои родственники вам так приглянулись?

Директор откашливается и садится глубже в кресле.

— Узнаете, моя дорогая.

— Вы меня заинтриговали.

— Хорошо, что не испугал! Двери моего кабинета всегда открыты. Если будут какие-то проблемы — обращайтесь. И еще... постарайтесь привыкнуть к всеобщему вниманию. У нас редко бывают новенькие.

— Я заметила. Можно идти?

— Да. Возьмите расписание у секретаря.

— Хорошо.

— И еще, — я оборачиваюсь уже на пороге и замечаю, что у директора нервно подрагивают усы, — постарайтесь не попадать в неприятности, мисс Блэк.

Похоже, он сам верит во все те байки, что рассказывают про моих тетюшек. Интересно. Сегодня же устрою дома допрос с пристрастием.

— Конечно, — киваю я. — Буду стараться изо всех сил.

В школьный коридор выхожу, выпрямив спину. Что ж, если люди хотят видеть во мне девушку с темными тайнами и опасными родственниками, — хорошо!

Так даже веселее.

Смотрю на листок с расписанием и закатываю глаза:

— Проклятье!

Литература всего два раза в неделю. Зато почему-то почти каждый день биология! Да, я пообещала люцерне ходить на уроки, но это...

От моей гордой осанки не остается и следа. Школьники проходят мимо, не переставая разглядывать меня, а я просто надеюсь поскорее отыскать нужный класс. Что ж, если ты новенький, получи по полной программе.

Спрашиваю у какой-то бледной девушки, где кабинет биологии. Она неопределенно машет рукой куда-то вперед и исчезает. Это на меня такая реакция? Сразу и не привыкнешь.

Хмыкнув, плетусь по коридору дальше. Наконец нахожу нужный класс.

— Мисс Блэк? Добро пожаловать, — без тени доброжелательности приветствует меня учитель, когда я протягиваю ему формуляр. Неприятный лысый тип. Пока он что-то пишет в моей бумажке, незаметно оглядываю класс. Кое-кто робко перешептывается, есть и такие, кто рассматривает меня в упор. Что я им, экспонат? Парни на задних партах толкают друг друга в бок и ржут чуть не в голос.

Замечаю, что парты в классе необычные. Стулья низкие, на них почти никто не сидит. В основном ребята, видимо, работают стоя.

— Вот, возьмите, — учитель протягивает формуляр, — присаживайтесь. Звонок уже прозвенел.

«Присаживайтесь». Это какая-то особая шутка? Или он издевается? Никто не сидит, а вы, мол, садитесь. В лужу?

Снова оглядываюсь, нервно переминаюсь с ноги на ногу. Единственный, кто не взглянул на меня, когда я вошла, — высокий парень у окна. Стоит и пишет что-то в своей тетради. И именно рядом с ним есть свободный стул. Ну, естественно. Еще бы свободное место оказалось за партой какой-нибудь милой девчонки. Планета бы перевернулась и разлетелась на части. Не иначе. С виду парень вполне нормальный: ни татуировок, ни сальных волос. Стоять на виду у всех больше нельзя. Неуклюже скидываю с плеча сумку.

— Привет.

Парень медленно поднимает глаза и несколько секунд смотрит на меня, а затем возвращается к своим записям. Ага. Неразговорчивый. То, что нужно.

— Сегодня второй и завершающий этап лабораторной, — ленивым тоном объявляет учитель. Его лысина сверкает так, будто он целое утро натирал ее воском. — Никто не уйдет, пока не сдаст работу. Вас это тоже касается, мисс Монфор.

— Вообще-то Блэк, — поправляю я, едва выдавив ухмылку.

— Кстати, поприветствуйте нашу новую ученицу. — В ответ слышится невнятное мычание нескольких голосов. Закатываю глаза. Какой кошмар!

— А теперь приступайте. Давайте живее.

Отлично. Первый урок, а я уже возненавидела биологию.

Задумчиво перевожу взгляд на парня. Наверное, ему не очень-то хотелось работать со мной над лабораторной.

Парень выше меня на голову. У него черные волосы, на подбородке широкий кривой шрам. Любит подражаться? А так и не скажешь.

— Фанатка «Рамоунз»?

— В смысле?

— Футболка. — Парень отвлекается от тетради и указывает на надпись.

Не думала, что он обратит внимание.

— Ну да.

— Круто. — Он возвращается к работе и практически ложится на стол, когда пишет на полях какие-то формулы. Я придвигаюсь ближе.

— Ого! Чем это вы тут занимаетесь? Это биология, а не ядерная физика.

— Не любишь биологию?

— Ну...

— Значит, не любишь.

— Нет, — покачиваю головой и хмурю брови, — терпеть не могу.

— Тогда тебе не повезло.

— Почему?

— Она каждый день.

Усаживаюсь на маленькое сиденье, которое здесь почему-то называют стулом. Теперь я почти скрыта от глаз лысого учителя, и мне становится немного легче.

— Какая тема лабораторной?

— Плазмолиз и деплазмолиз в клетках кожицы лука.

Мне остается только хлопать ресницами. Он что, свихнулся? Неужели он только что просто взял и произнес это вслух? О да, я нашла себе отличного напарника. Может, он и списать даст? В конце концов, он первый, кто не сказал ни слова о моей семье.

— Послушай, работу надо сдать сегодня. Но я...

— Бери. — Незнакомец кивает на свои записи и отходит к микроскопу. — Естественно, ты не успеешь. Я в курсе. — Он меняет стеклышки, крутит что-то, а я с недоумением гляжу на него. Добрых людей не бывает. Или он идиот, или задумал что-то. — Только побыстрее. Я собираюсь сдать работу и уйти пораньше.

— Хорошо, спасибо, — открываю единственную тетрадь, которую взяла с собой сегодня, и начинаю перечерчивать таблицу. Парень все копошится у микроскопа. Искося поглядываю на него. Странный. Вроде симпатичный, и учиться любит. Такое бывает?

— Как тебя зовут? — неожиданно для самой себя спрашиваю я и медленно отворачиваюсь. Кажется, я свихнулась, раз решила первой пойти на контакт.

— Мэтт, — не отрываясь от микроскопа, отвечает парень.

Хм, обычное имя. Я-то ожидала услышать что-то вроде: Дамиан, Кристофер или Джером.

— А ты — Ариадна, верно? — Он все-таки переводит на меня взгляд. Глаза у него темно-синие.

— Ари, — киваю я, торопливо списывая малопонятные расчеты.

— Как тебе Астерия?

— Интересный городок.

— «Рамоунз» тут не слушают, если что.

— Почему?

— Ты видела церковь на въезде в город? А на площади? У школы?

— Ого, так здесь все верующие? — скептически восклицаю я. — Религиозная дыра?

— Что-то вроде того, — соглашается Мэтт и удаляет фильтрованной бумагой раствор поваренной соли с предметного стекла. — Ты все? Я хочу сдать работу.

— Еще пару секунд.

Облизываю губы и сосредоточенно наклоняюсь над записями. Волосы падают на тетрадь, я откидываю их, но они все равно падают.

— На следующий урок нужно будет принести гербарные экземпляры растений, — предупреждает парень, забрасывая вещи в черный рюкзак. — Если не хочешь больше списывать, подготовься.

— А если хочу? — Я ставлю точку и с довольным видом захлопываю тетрадь. — Я правда не люблю биологию.

— А я правда не люблю, когда у меня списывают, Ари. — Он решительно забирает тетрадь и коротко кивает. — Еще увидимся.

Мне остается только помахать ему рукой. Кажется, мне на завтра действительно придется собирать гербарий. Проклятье.

Глава 3

Тайны Монфор-л'Амори

Найти столовую оказывается проще простого. Надо только следовать за потоком бешеных подростков, которые едва не сбивают друг друга с ног, устраивают давку в дверях, а потом разбредаются к столикам.

Останавливаюсь в проходе: так, и что дальше? Свободных мест нет. Подсесть к кому-то? Лучше сразу выжгу себе на лбу слово «идиотка». Или «неудачница». На выбор.

Поправляю ремень сумки и неожиданно замечаю Хэрри. Отлично. Вот и спасение. Парень машет мне рукой и кивает, наверное, раз десять. Странный. Он очень и очень странный. Нужно сказать ему, чтобы перестал зачесывать набок волосы.

— Привет еще раз, — говорю я, усаживаясь напротив. Парень смущенно поправляет очки и кивает. В одиннадцатый раз. — Я думала, ты не придешь.

— И я так думал. В смысле думал, что ты не придешь, а не я.

— Отлично. И вот мы оба здесь...

— Да. Ну... — Хэрри чешет шею, — как тебе первый день? Познакомилась с кем-нибудь?

— Интересный вопрос. Дай подсчитаю, — я задумчиво загибаю пальцы, глядя в потолок, — у меня появился один друг.

— Один?

— Один.

— И кто?

— Ты, конечно.

— Я твой друг? Офигеть, — Хэрри широко улыбается и поправляет очки.

— Это тебя так удивляет? — интересуюсь я, а сама думаю, что меня это тоже удивляет. Ведь Хэйдан следил за мной, а потом начал тараторить про какую-то вуду-магию. — Ты милый парень...

— Я — милый парень, — эхом вторит он и хвастливо говорит проходящей мимо девчонке: — Она сказала, что я милый, ясно?

— О, господи! — смеюсь я, доставая из сумки пакет, собранный тетей Норин. Есть хочется безумно.

— Так зачем ты шпионил за мной? — пережевывая сэндвич, интересуюсь я. Хэрри делает серьезное лицо и придвигается ко мне почти вплотную.

— Ты не знаешь?

— Не знаю чего?

— На тебя все смотрят.

— Ну да, я — новенькая.

— Дело не в этом, — Хэйдан сводит густые брови. — Твоя семья...

— ...очень странная, — заканчиваю я, передернув плечами. — И в чем проблема?

— В смысле?

— Что не так с моими родственниками? Я здесь всего сутки, но уже почувствовала все прелести южного гостеприимства. Или вы все тут спятили, или это я сошла с ума. Одно из двух.

— Удивительно! — парень откидывается на спинку стула. — Как ты не можешь знать того, что знают все вокруг?

— О чем ты?

— О том, что с семьей Монфор связываться опасно.

— Опасно? — меня разбирает смех. Я наклоняюсь вперед, волосы каскадом падают на стол. — Ну да, тятя Норин и тетя Мэри-Линетт действительно ночные головорезы. Как ты узнал?

— Тебе смешно? — Хэрри буравит меня взглядом, подперев подбородок. — Только подумать! Город на ушах стоит, а ты смеешься.

— Ты тоже смеешься.

— Это нервное, а я, знаешь ли, часто нервничаю. У меня даже язва развилась, теперь я ем только невкусную еду. В смысле, полезную.

Снова прыскаю со смеху, зажимая рот ладонями и... словно примерзаю к стулу. Дыхание перехватывает. Пытаюсь шевельнуться, но не могу. Смотрю на гигантские окна столовой. За стеклянной стеной играют дети. Среди них маленькая девочка лет восьми с угольно-черными волосами. Слезы жгут глаза. Время останавливается. Ничего нет, кроме этой девочки, ее искренней улыбки, тонких рук и смешного сарафана. Лора любила такие сарафаны.

Я любила Лору.

Призрак сестры стоит перед глазами: смеющийся, живой. Вот она идет рядом, держась за мою ладонь. Просит прокатить ее на спине, купить шоколадное мороженое с миндальной стружкой. И я покупаю, потому что как бы сильно я ни пыталась выглядеть взрослой, надменной сестрой, я обожаю этого маленького монстра, который изо всех сил сжимает мои пальцы. Вот же она. Прямо здесь. За стеклом. В двух шагах. Я приподнимаюсь, моргаю и... детей уже нет.

Лоры уже нет.

Сердце неистово колотится в груди, в ушах стоит звон. Я вглядываюсь в окна, надеясь вновь увидеть Лору.

— Эй, ты чего? Эй? — Хэрри стоит рядом и теребит меня за плечо. — Все в порядке, Ари? Ты, кажется, отключилась.

— Просто... — хлопаю я ресницами и понимаю, что все в столовой молча смотрят на меня. Закидываю сумку на плечо. — Мне пора идти.

— Тебя проводить? — взволнованно спрашивает Хэйдан, поправляя очки.

— Все нормально.

— Но, Ари...

— Еще увидимся.

По пути к выходу замечаю в толпе ошарашенный взгляд Мэтта. Ну что ж, вот я и подтвердила всеобщие опасения: я — чокнутая. Руки до сих пор трясутся. Я действительно видела Лору? Но этого не может быть! Я правда сошла с ума. Мою семью здесь считают странной. Может, так и есть? Даже выскочив на улицу, я все еще кожей ощущаю недоуменные взгляды. Подростки стояли и глазели на меня. Глазели и молчали.

Трясу головой, пытаюсь избавиться от наваждения. Горло саднит. Покупаю в магазинчике через дорогу бутылку воды. Нужно взять себя в руки. Ничего ведь не произошло.

— Да. — Киваю сама себе и отпиваю воду. — Все в порядке, все отлично.

Наклоняюсь, чтобы сунуть бутылку в сумку. Волосы бронзовой волной падают на лицо.

Никогда не любила рыжий цвет, а маме мои волосы нравились. Она говорила, что у бабушки были такие же.

На самом деле о родных мне известно мало. Честер Монфор — мой дед — умер четырнадцать лет назад. Силест Монфор — три года назад. То есть в живых со стороны мамы не осталось никого, кроме Норин и Мэри-Линетт.

О папе я знаю больше. Его родители, Кларисса и Сэм Блэк, живут на Западном побережье. У них трехэтажный домик, катер и бежевый лабрадор. Ну, и не стану лгать, катер они любят больше, чем меня, мою маму и всю нашу семейку. Поэтому видела я их всего два раза в жизни: на Рождество одиннадцать лет назад и на первый день рождения Лоры. Как-то я спросила у отца: в чем дело? Он ответил, что его родители своеобразные, упрямые люди, что ему пришлось нелегко, когда он сбежал от них в Астерию. Собственно, поэтому органами опеки было принято решение отправить меня к тетушкам на восток, а не в Риверсайд — Райскую Калифорнию.

Сейчас я жалею, что задавала слишком мало вопросов. Как же мне теперь узнать правду, если не у кого спрашивать? Провести собственное расследование?

Я с усмешкой покачиваю головой, поправляю непослушные волосы и вдруг замечаю впереди, на перекрестке, людей, столпившихся возле какой-то машины. Не сразу понимаю, в чем дело, но через секунду замечаю под колесами смятый велосипед.

— О, нет!

Авария. Меня пробирает дрожь. Неожиданно рядом со мной появляется незнакомка. Огромными, налитыми ужасом глазами она смотрит на место аварии и не двигается. Она вся жутко бледная. Наверно, под колеса попал ее знакомый. Сначала я хочу пройти мимо, но потом невольно застываю.

— Вы как? Вам нужна помощь?

Незнакомка молчит. Ее стертые в кровь руки трясутся, кажутся совсем тонкими.

— Докторов вызвали? — вновь спрашиваю я. В курсе ведь, что ей не до разговоров, но почему-то не могу заткнуться. — Велосипедист сильно пострадал?

— Сильно, — наконец отвечает она.

Я покачиваю головой, прохожусь ладонью по волосам и уверенно подбегаю к толпе. Нужно вызвать «скорую». Почему никто не вызвал «скорую»? Злость вспыхивает во мне рьяно и безудержно, на кону каждая секунда, а люди лишь болтают!

— Вызвали «скорую»? — спрашиваю я у женщины. Она пунцовая от жары. — Вызвали?

— Я не...

— Что? Эй! — Я хватаю под руку какого-то низкого мужчину и с силой тяну на себя. У него порез над бровью. Кажется, именно он сбил велосипедиста. — Что вы сделали? — Мои глаза округляются и наливаются непонятной мне обидой.

— Я не хотел, я не видел.

— Кого не видели?

— Ее! — гортанно восклицает он и берется волосатыми руками за лицо. Его шатает из стороны в сторону. — Все было нормально, пока она неожиданно не вывернула из-за угла.

Мои плечи поникают. Опускаю взгляд, ощущая, как внутри все переворачивается.

Я отчетливо вижу кровавое пятно на асфальте, торчащую из-под бампера заломанную руку в синеватой сеточке вен. А потом вижу бледное лицо с огромными, распахнутыми глазами.

Мне нечем дышать.

— О Господи! — из моего горла вырывается хрип. Я зажимаю рот ладонью. — Не может быть! Нет, нет...

Отскакиваю назад, будто меня толкнули в грудь. Мир кружится, теряя очертания. Я ведь несколько минут назад разговаривала с этой девушкой! Как, если она лежит под колесами машины? Спину обдает холодом. Я должна уйти, как можно скорее уйти отсюда!

До моего слуха долетает змеиный шепот: «Это же Монфор!» В толпе зевак поднимается гул. Под пристальными взглядами ускоряю шаг. Наплевать. Наплевать. Что это было? Я сошла с ума?

Нет. Какая-то бессмыслица! Я не могла видеть эту девушку, не могла говорить с ней. Наверно, у меня жар. Или у меня переутомление. Я не спала почти всю ночь. Я толком не ела. Это галлюцинации, как и те, что были у меня после аварии, когда я почти каждый день видела маму.

Наконец я дома. Отираю со лба испарину и вихрем несусь по лестнице. Дверь комнаты с грохотом захлопывается за мной.

Я втягиваю носом воздух и закрываю глаза. Нужно успокоиться.

Плечи медленно поникают, пальцы перестают дрожать. Спокойно отхожу от двери и сажусь на край кровати. В жизни все просто. Странностей мало. Скорее, люди сами делают скоропалительные выводы и начинают верить в то, чего нет. Поэтому сейчас я должна взять под контроль эмоции, прекратить эту глупую панику и понять: что со мной произошло.

Я видела девушку. Я говорила с ней. А потом я увидела ее под колесами машины. Не хочется нагнетать обстановку, серьезно, уж поверьте мне, но девушка действительно была точной копией той незнакомки, что стояла со мной рядом. Сколько тут вариантов? Один.

У пострадавшей есть сестра-близнец. Вот и все, дело раскрыто.

Однако глупая и взбалмошная часть меня, из-за которой обычно и возникают проблемы, подзуживает из самого потаенного уголка души: тут что-то нечисто!

В жизни нормального человека ничего сверхъестественного происходить не может. Если у вас не так — поезжайте в клинику. Но стоит ли мне собирать вещи? Ведь мне показалось, что я увидела... кого? Привидение?

— О, Боже! Ты спятила, Ари.

Стягиваю кроссовки и валюсь на кровать. Интересный способ придумал мой больной мозг, чтобы пережить последствия психологической травмы.

Со стоном поднимаюсь на ноги и плетусь в ванную.

Скорчившись, сижу в горячей воде. Сколько прошло времени? Час? Больше? Я не двигаюсь, просто смотрю в одну точку. А что, если я действительно сошла с ума?

Крепко зажмуриваю глаза и опускаюсь под воду. Если первый день в этом городке был таким странным, что будет завтра?

Выныриваю и слышу стук в дверь.

— Ари? Все в порядке?

— Да, — потираю щеки, пытаюсь прийти в себя, — что случилось?

— Спускайся. — Кажется, это тетя Норин. — Ужин остывает.

Ужин? Который час? Сколько же я просидела в ванной?

— Хорошо. Сейчас выйду.

Прекрасно! Что со мной происходит? Все это начинает меня раздражать.

Спускаюсь, на ходу вытирая волосы полотенцем. Тетя Мэри сидит за столом, а Норин суетится у плиты. На ней опять этот дурацкий фартук.

— Мы думали, ты утонула, — язвит Мэри-Линетт, откусывая яблоко.

Сажусь на стул, поджав под себя ноги. Норин раскладывает приборы.

— Тебе помочь?

— Нет, все готово. — Тетушка едва заметно поднимает уголки губ. — У тебя все хорошо?

— Ага.

— Точно?

— Да, вполне.

— Как дела в школе? — интересуется Мэри-Линетт, хитро прищуриив глаза. — Только не ври, мы все учились в школе и помним, какое это паршивое место.

Сказать правду или солгать? Признаться, что видела нечто странное или промолчать?

Норин и Мэри-Линетт теперь самые близкие мне люди, но могу ли я им доверять?

— День был... необычным, — медленно начинаю я, краем глаза наблюдая за тем, как тетя Норин садится и раскладывает на коленях салфетку. — Я поговорила раз восемь. Из них шесть раз с учителями. Тетушки молчат, изучая меня похожими взглядами. Притворяются? Что ж, ладно. Я набираю в грудь побольше воздуха и продолжаю:

— Ребята не обрадовались новенькой, да еще и из семьи Монфор.

— И почему? — спрашивает тетя Норин, накалывая на вилку макаронину.

— Это вы мне объясните.

— Ты просто новенькая, вот и все. Со всеми так бывает.

— *Новенькая*, — эхом повторяю я, не сводя глаз с тетушек. — Серьезно?

Они спокойно едят, звеня приборами о тарелки, а я протяжно выдыхаю, поникнув. У них явно отсутствует актерский талант, потому что лгать они абсолютно не умеют. — Мама рассказывала мне все эти истории про вашу бабушку — *Рамону Монфор* — и ее «умение предсказывать погоду». Чушь ведь, правда? Но, видимо, люди в Астерии реально во все это верят! И верят серьезно, потому что целый день на меня смотрели так, будто бы я как минимум вестник апокалипсиса.

— Вестник апокалипсиса, — усмехается тетя Мэри и отпивает красного вина, — тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь?

— Вот я и хотела бы узнать, почему люди так относятся к нашей семье?

— Как относятся? — как ни в чем не бывало интересуется тетя Норин, чем выводит меня из себя. Черт возьми! Едва сдерживаюсь, чтобы не треснуть кулаком по столу.

— Вы понимаете, о чем я.

— Люди много говорят, Ари. Но кто сказал, что им стоит верить? Это давнее дело, и к нам оно никакого отношения не имеет.

— Что за дело?

— Ну, ты сама догадываешься, — тетя Мэри подпирает ладонями подбородок. — Рамону считали...ведьмой.

— Ведьмой, — пробую слово на вкус и вдруг чувствую, как к горлу подступает ужас.

— Но это, конечно же, просто сплетни, — отмахивается она.

— Хороши сплетни, раз ходят по Астерии уже не один десяток лет.

— Ну о чем еще разглазольствовать фанатикам? — Мэри вздыхает и недовольно сводит брови. — То есть я хотела сказать, — спохватывается она, когда Норин толкает ее в бок, — что здесь много верующих, а им свойственно всюду выискивать нечисть и бояться проделок дьявола.

— Но вы в эти рассказы не верите, правильно?

— Рассказни, — повторяет тетя Норин, — ты подобрала верное слово, Ариадна.

— Выходит, Рамону считали провидицей?

— Ее считали ненормальной. Издевались, подшучивали за спиной, пока однажды не сбылось то, что она «предвидела», — Мэри пожимает плечами, — кажется, она сказала, что скоро умрет дочь пастыря.

— Да-да, — кивает Норин.

— А она и впрямь умерла. Утонула.

— Выходит, Рамона оказалась права? Она видела будущее?

— Я тебя умоляю, Ари! Это простое совпадение. А люди поверили потому, что бабушка была... своеобразной женщиной.

— Сумасшедшей, — поправляет Мэри, кривя губы, — серьезно, она несла такой бред, что слушать ее могли только дураки.

— Большинство и есть дураки, — шепчет Норин, с грустным видом поправляя салфетку. — Не стоит обращать на них внимания. Они вечно говорят и говорят...

— Сейчас у них появилась еще одна тема — новенькая, да еще из семьи Монфор! Вот же повезло! Пусть сплетничают. Наплюй, — отмахивается Мэри-Линетт.

— Но ведь прошло столько времени! Лет пятьдесят? — я возмущенно хлопаю ресницами. — С чего они на нас-то взъелись?

Тетя Норин отворачивается, а Мэри-Линетт, наоборот, придвигается ближе.

— Да просто этот городок настолько скучный, что за полвека здесь ничего интересного и не случилось. — Она накрывает мои пальцы ладонью и улыбается. — Не переживай.

— Я не переживаю.

— У каждой семьи свои секреты.

Выходит, Рамона Монфор-л'Амори была ненормальной? А что если это наследственное и теперь я слетаю с катушек? Проклятье, не знаю, что и думать!

Тетушки спокойно поглядывают на меня, но я чувствую, они что-то скрывают. Вот только зачем?

Глава 4

Эксперимент

— Рассмотрите растения, которые вы должны были принести на сегодняшний урок, — вяло бубнит лысый учитель и со скучающим видом складывает на животе руки. — Опишите каждое растение, используя таблицу, которую вы видите на доске. Лабораторная легкая. Меня не волнует, если вы считаете иначе. Тетради должны быть у меня на столе со звонком.

Отлично. Просто замечательно. Мне всю ночь вспоминалась та девушка, которая вроде как попала под машину. Я не могла толком уснуть. И отрубилась лишь на рассвете.

К тому же тетя Норин целое утро была какой-то рассеянной. Разбила чашку, избегала смотреть мне в глаза. Все теребила горло свитера и молчала. Не понимаю, что с ней происходит.

— Что ты принесла? — спрашивает Мэтт, усевшись напротив.

— Листья дуба и каштана, — пришлось сорвать их по дороге, потому что вчера я напрочь забыла про биологию, но парню об этом знать необязательно. — А ты?

— Рожь и ячмень.

— Неужели тебе действительно интересно этим заниматься?

— Нет, мне действительно хочется поступить в хороший университет.

— Надеешься на стипендию?

— А ты — нет?

Я лишь пожимаю плечами:

— А я об этом даже не думала.

Выразительные темно-синие глаза парня округляются от удивления.

— Ты не собираешься поступать в колледж?

— А это так важно?

— Ну... да, — неуверенно отвечает он. — Ты же не собираешься всю жизнь торчать здесь?

— Вообще-то я приехала только два дня назад. Ты уже меня прогоняешь? — улыбаюсь я и придвигаюсь к Мэтту поближе.

— Делать здесь нечего.

— Говоришь так, будто ненавидишь это место.

— Возможно.

Парень склоняется над тетрадкой и сосредоточенно чертит таблицу. От напряжения на его лбу даже появляется складка. Никогда не видела, чтобы кто-то так ответственно подходил к биологии.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ты не любишь этот город? — Я облакачиваюсь о стол и с интересом смотрю на парня.

— «Религиозная дыра», забыла? — криво улыбается Мэтт.

— Так дело в церквях.

— В их количестве, — поправляет парень. Мне нравится с ним общаться. Если так пойдет дальше, боюсь, мне понравится и биология.

— Причина только в этом?

— Нет. Естественно, причин много.

— Так объясни. Может, я тоже захочу сбежать.

— Это сложно, — Мэтт вздыхает и откладывает карандаш, — здесь все знают друг друга в лицо. Однако это не мешает распускать сплетни. А по воскресеньям восхвалять Бога за милосердие. Я смотрю на это с некой долей скептицизма.

— Тебя это все волнует?

— Хочу сменить обстановку. Уехать куда-нибудь. Вот ты сама откуда?

— Из Северной Дакоты.

— А почему уехала?

Рассеянно роняю ручку, но успеваю подхватить ее у края парты. Мэтт ждет ответа, а у меня в горле стоит ком.

— Там холодно, — еле слышно шепчу я, поправляя волосы. — И мало солнца.

— Холодно и мало солнца? — недоверчиво переспрашивает парень.

Киваю. Мы возвращаемся к лабораторной, точнее, Мэтт заполняет таблицу, а я нагло списываю.

— Вчера ты убежала из столовой, — неожиданно бросает парень.

Ну, отлично! Давай поговорим об этом.

— И что? — Я выпрямляюсь и складываю на груди руки.

— Ничего. Просто это выглядело довольно... странно.

— А разве ты не слышал? У меня вся семейка странная.

— Слышал. Думаю, ты уже поняла, как я отношусь к сплетням.

— Сплетни из воздуха не появляются, Мэтт.

— Да, их выдумывают обыкновенные люди, Ари.

Мы буравим друг друга взглядами, а затем я, усмехнувшись, отворачиваюсь. В груди теплеет и становится как-то спокойно. Неужели в этом городке хоть кто-то не считает меня сумасшедшей?

— Куда ты решил поступать? — Мы стоим так близко, что наши локти соприкасаются. — У тебя наверняка все до мелочей расписано.

— Если честно, мы с Джил уже все продумали.

— С Джил?

— С моей девушкой, — кивает Мэттью. — Ей всегда хотелось в Европу, но я — реалист. Рассматриваю только соседние штаты.

— И какие? — чужим голосом интересуюсь я и немного отстраняюсь. Ну сразу же было понятно, что у него есть девушка. Мэтт добрый и ответственный. Такие парни непопулярны в средних классах, но становятся объектами преследований в старшей школе, когда у девушек просыпается здравый смысл.

— Честно? Мне все равно, Ари. Я просто хочу уехать.

— Что-то подсказывает мне, что у тебя все получится. — Я искоса поглядываю на Мэтта, а он широко улыбается, будто я его благословила. — Что ты так смотришь?

— Как? — Мэтт машет руками. — Я вообще на тебя не смотрю. Черчу таблицу. Ты ведь не любишь биологию?

— Правильно. — Я смущенно поджимаю губы. Хороший парень, даже слишком. — Как ты это делаешь? Боже, какая-то тупая трава!

— Это пшеница, Ари.

— Значит, тупая пшеница.

Мэтт вздыхает, и мы продолжаем заполнять таблицу, то и дело соприкасаясь локтями.

Сидеть на скамейке, подставив лицо солнечным лучам, чертовски приятно. Я могла бы делать это вечно. Лишь бы отвлечься от дурных мыслей.

Задумчиво рассматриваю листву, красноватые стволы деревьев, траву, а затем со вздохом прикрываю глаза, откидываю назад волосы. Не хочется даже шевелиться, не то что идти домой. Что на этот раз я увижу по дороге?

От воспоминаний об изломанных руках незнакомки мне становится плохо.

— Ари! — доносится издали знакомый голос, и я выпрямляюсь на скамейке.

Помахивая рукой, ко мне с довольным видом плетется Хэрри. На нем широченные темные джинсы и рыжая футболка с надписью «Rease».

— Привет, Хэйдан, — приветливо улыбаюсь я.

— Привет, как ты? — Парень плюхается рядом и бросает книжки на колени. — Ты вчера так стремительно убежала, я даже опомниться не успел. Все в порядке?

— Ну да.

— У тебя уже закончились уроки?

— Закончились, но я решила посидеть здесь немного. Тут очень красиво. — Оглядываюсь и в который раз улыбаюсь. Я сама на себя не похожа. — А ты освободился?

— Не меняй тему.

— Ого! А ты настойчивый.

— Просто мне показалось, что вчера ты испугалась.

— С чего ты взял? — сжимаю край скамейки так, что белеют пальцы.

— Ари, я ношу очки, но я не слепой. Конечно, мы едва знакомы, — парень нервно потирает переносицу и глядит куда-то вдаль, — но ты можешь рассказать мне. Правда.

— С какой стати?

— Ты сказала, что я — твой друг.

— Так и сказала? — с усмешкой интересуюсь я.

— Именно. Еще ты сказала, что я — милый. — Хэрри покачивает головой и улыбается. — Так что ты сама напросилась.

Я вздыхаю, глядя в голубое небо, и пожимаю плечами:

— Мне показалось, что я видела свою сестру.

— Она тоже переехала в Астерию?

— Нет. — Я стискиваю зубы. — Она умерла. Погибла в автокатастрофе, как и мои родители полгода назад.

Хэйдан замирает. Мне даже неинтересно смотреть на него. Все реагируют одинаково. Всех это шокирует. У всех вызывает жалость. Все из кожи вон лезут, пытаясь показать, что они понимают, каково мне. Но они не понимают.

— Ари, — наконец выговаривает Хэйдан, — это паршиво.

Я лишь усмехаюсь.

— Да, Хэрри, веселого мало.

— Поэтому ты переехала сюда?

— Да.

Ветер гоняет листья по раскаленному асфальту. Деревья шумят, словно перешептываются о чем-то. А я снова и снова думаю о той аварии. Одно неверное движение! Водитель грузовика просто выехал на встречную полосу. И вся моя жизнь превратилась в прах.

— У меня сейчас должно быть искусствоведение, — Хэрри поднимается и протягивает мне ладонь. — К черту искусство. Идем. Я провожу тебя домой.

— Не надо.

— Хочешь разрушить мою самооценку?

— Не надо пропускать занятия из-за меня, — уточняю я, смутившись.

— А кто сказал, что из-за тебя? Может, я ради себя стараюсь. Хочу прогуляться с симпатичной девушкой. Знаешь, как часто подобное происходит в моей жизни? Уверен, ты скажешь — постоянно. Но нет. К сожалению, не все девушки в этой школе способны оценить меня по достоинству.

— Глупые, — я беру Хэрри под руку, — они ничего не понимают!

— Вот и я так считаю. Даже как-то сказал об этом Молли Чемберс.

— И как она отреагировала?

Хэйдан приподнимает руку, будто заслоняясь от солнца, и восклицает:

— Молли? Молли? — затем оглядывается и печально пожимает плечами. — Кажется, ей не очень-то это понравилось. Я говорил, что она блондинка? Думаю, в этом все дело.

— Сто процентов.

Мы медленно идем к моему новому дому.

— Расскажи о себе, — неожиданно прошу я.

— О себе?

— Ну да.

— Даже не знаю. — Хэрри снимает очки и протирает линзы.

— Чего ты? Смущаешься?

— Нет, просто в моей жизни не случилось ничего интересного. Я всегда жил здесь, в Астерии.

— Это плохо?

— Это жутко скучно. — Он смотрит на меня, кривя губы. Глаза у него орехового цвета, очень интересные. А без очков он — само очарование. — Люди в Астерии древние, как тачка моего деда. Пикап шестьдесят девятого года! Он, конечно, еще порхает, но рычит на каждом повороте. Так и жители нашего райского городка. Живут, вроде, как все, но постоянно перемалывают друг другу косточки.

— Я смотрю, никто не любит это место.

— Не могу сказать, что не люблю его... Я просто живу здесь, и все. Наблюдаю. Я люблю наблюдать. Пожалуй, это единственное развлечение.

— Наблюдать за людьми? Теперь ясно, почему ты за мной шпионил. Мне пора уносить ноги?

— Издеваешься?

— Имею право, Хэрри-руки-ножницы.

— Жизнь в Астерии, как дешевый сериал! У тебя есть любимые герои, а есть те, кого ты терпеть не можешь.

— Допустим.

— За кем-то я наблюдаю с удовольствием, а кого-то... перематываю.

— Великолепная метафора.

— Сестры Монфор, — Хэйдан воодушевленно взмахивает руками, — мои любимые персонажи.

— Ого! И почему?

— Ари, твои тетушки самые странные женщины из всех, с кем я встречался.

— Встречался? По очереди? Или сразу с обеими?

— Ой, ну что за шутки? — возмущается Хэрри, а я прыскаю со смеху. — Я не это имел в виду!

— Надеюсь.

— Слушай, знаю, ты сейчас думаешь, что этот ненормальный кретин вообще несет?

— Ты читаешь мои мысли. Может, и ты из нашей семейки?

— Но они действительно замкнутые, скрытные, — Хэрри проводит ладонью по густым каштановым волосам, — я серьезно.

— Многие люди замкнутые и скрытные, Хэйдан.

— А многие каждый месяц в полночь укатывают на машине в лес?

— Что делают?

— Однажды я видел, как Мэри-Линетт достала из гаража две металлические балки.

— Знаешь, я не думаю, что металлические балки используют в вуду-магии.

— Каждая килограмм по двадцать пять весит! — Хэрри глядит на меня огромными глазами, а я покрываюсь мурашками. — Но твоя тетя просто подняла их и унесла на задний двор, будто это корзинки с цветочками.

Мне становится не по себе.

— Что ты выдумываешь? Чушь какая-то.

— Ничего я не выдумываю.

— Ты что, и ночью следишь за ними?

— Нет, я ведь не маньяк.

— Уверен?

— Слушай, Ариадна, я вообще не собирался ни за кем следить. Веришь? — Хэйдан останавливается и виновато поджимает губы. — Так вышло. Просто я однажды заметил нечто странное...

— Что? — Не знаю, хочу ли я услышать ответ. Но пути назад нет. — Что могло тебя так поразить, что ты устроил слезку?

— Не хочу рассказывать.

— С чего вдруг?

— Не знаю. Страшно, наверное, — Хэйдан потирает ладонями лицо и хмыкает. — Я ведь трус. И всегда им был. Года в три катался на карусели, знаешь, таком паровозике, и думал, черт подери: мне конец. Мы все умрем.

— Хэрри, рассказывай.

— Но...

— Рассказывай! — Я смотрю на парня в упор. Он должен прямо сейчас объяснить мне, в чем дело. Прямо. Сейчас.

Хэйдан медлит, но потом произносит:

— Я опаздывал на воскресную службу. Все уже собрались в церкви. На площади было тихо и пустынно. Я заметил твою тетю Норин. Меня в то время еще не волновали все эти

штуки. И сплетни не волновали. Я подошел к ней, хотел поздороваться... А потом увидел, как она пытается дотянуться до дверной ручки.

— И?

— У нее не получалось.

— В каком смысле?

— Не знаю, как это объяснить. Правда, не знаю! Она протягивала пальцы, но какая-то сила не давала ей прикоснуться к двери. Будто бы стена.

— О чем ты говоришь, — испуганно шепчу я.

— Она рычала, твоя тетя, ее лицо... оно было бледное.

— Рычала?

— Скорее *шипела*, как змея. Отчаянно пыталась прикоснуться к двери и злилась, что у нее не получается. Я жутко испугался. Сказал что-то, она меня заметила, резко вывернув в мою сторону голову. А потом побледнела еще сильнее, хотя, признаться, я и не думал, что кожа у людей бывает такого цвета, и убежала.

— Убежала.

— Да.

Мы молчим. Хэйдан смотрит на меня, а я на него. О чем этот парень толкует? Он что, тоже спятил?

— Интересная пилотная серия твоего сериала, — наконец выдавливаю я и решительно шагаю к дому. Хэрри бежит за мной.

— Ари, подожди.

— Ты сам-то себя слышишь? Моя тетя рычала? Пыталась открыть двери церкви, но не смогла? Что это вообще за выдумки?

— Но это правда! — горячо восклицает парень.

— Правда? Это бред.

— Зачем мне лгать?

— Откуда я знаю? Разве человеку, который увлекается шпионскими штуками, можно доверять?

— Ничем таким я не увлекаюсь. Я просто хочу понять, что видел.

— И какие предположения?

— Ну...

— Что?

— Ты сама знаешь.

— О чем знаю? — резко оборачиваюсь я, едва не столкнувшись с парнем лицом. — Что тетя Норин — ведьма, которой Господь Всемогущий не позволяет пересечь порог церкви?

— Я понимаю, это звучит странно.

— Не просто странно, Хэрри. Попахивает сумасшествием. Но... хорошо. Допустим, ты не врешь. Тогда выходит, что и я...

— Наверное, — смущенно кивает парень. — Чисто теоретически.

— Чисто теоретически мне бы сейчас врезать тебе, Хэрри Эбнер Нортон.

— Но ты ведь не сделаешь этого.

— Я подумаю.

Озадаченно оглядываюсь и прикусываю губу. Итак, кажется, парень спятил. Но мы же не можем сойти с ума одновременно? Я ведь тоже вчера видела нечто странное. Так вдруг мы оба правы?

Неожиданно вижу перед собой церковь. План в моей голове созревает молниеносно. Я сжимаю в кулаки пальцы и срываюсь с места.

— Ты куда?

— Теорию проверяют на практике.

— В смысле?

— Если тетя Норин не могла пересечь порог церкви, то и я не смогу. Верно?

— Ты хочешь попробовать?

— Я хочу убедиться в том, что у тебя поехала крыша.

Замираю перед высоченными деревянными дверями и втягиваю в легкие воздух. Не любила никогда подобные места. Может, теперь моя неприязнь обретет смысл?

Так. Соберись. Я вытягиваю руку и с силой стискиваю зубы. Не сходи с ума, Ари, ты не делаешь ничего опасного или противоестественного. Просто открой дверь.

— Давай, — шепчу я, распахнув глаза так широко, что их щиплет, — давай же.

Я протягиваю ладонь, сглатываю и осторожно касаюсь пальцами потертой медной ручки. Жду грозу, ливень, жаб в виде осадков, однако ничего не происходит. Внутри сразу же становится так спокойно, что у меня подгибаются колени. Солнце палит с прежней силой, на небе ни облачка. Да и чувствую я себя нормально.

— Не проклята, — торжественно объявляю я, переводя взгляд на побледневшего Хэрри. Тот нервно усмехается, потирая переносицу.

— Ты уверен, что не принимал в тот день ничего... противозаконного?

— Ты про наркотики? Ты про меня и наркотики?

— Ладно-ладно, шучу. Но сам подумай: должно же быть объяснение твоим галлюцинациям.

— Если это галлюцинации, — настаивает Хэйдан. — Я знаю, что видел.

— А еще ты знаешь, что молния не поджарила меня, как бекон.

— Может, она не поджаривает хороших ведьм, а?

— Сейчас договоришься, и я сама тебя поджарю.

— Ну ладно, как скажешь. — Хэрри кивает, и мы вновь начинаем двигаться к дому. Он молчит весь путь. Идет, опустив голову. Потом, остановившись напротив моего коттеджа, выдыхает со свистом и кривит губы. — Здесь столько поколений Монфор жило. Откуда мы знаем, чем они занимались и кем были?

— В Астерии полно старых домов.

— Старых домов — да. Но не старых секретов. — Он пожимает плечами и быстро уходит.

Я открываю входную дверь как раз в тот момент, когда на кухне кто-то говорит:

— Сделаем это сегодня.

Сделаем сегодня что? Громко хлопаю дверью:

— Я дома! — Тут же становится тихо. Все эти тайны доконают меня. Пахнет какими-то травами или настойками. Стены увешаны старыми фотографиями. Может, в них я найду ответы?

Останавливаюсь напротив выцветшего снимка и наклоняю голову. На меня смотрит молодая, улыбающаяся девушка со светлыми волосами. Рамона Монфор. Не знаю почему, но внутри у меня холодеет. Касаюсь пальцами стекла, прикусываю губу. Мне всегда казалось, что мы — самая обычная семья. Нервная мама, молчаливый отец, надоедливая сестра. Разве таких мало? Все живут одинаково. Но тут оказывается, что за пеленой обыденности

скрывается целая история. Милый маленький городок, слухи, предубеждения...

— Рамона говорила, люди слишком глупы, чтобы быть счастливыми, — я невольно вздрагиваю. Как тете Норин удалось подкрасться так тихо? — Прости, не хотела тебя напугать.

Да? Почему-то мне кажется, все только и занимаются тем, что хотят спровоцировать у меня сердечный приступ.

— Она не похожа на сумасшедшую, — киваю я на фотографию. У светловолосой девушки огромные добрые глаза. Вот бы поговорить с ней. Возможно, она ответила бы на все мои вопросы.

— Скажем так, Рамона отличалась от остальных.

— Разве это делает людей ненормальными?

— Это делает их одинокими. — Норин потирает шею и пронзительно смотрит на меня. — А когда люди одиноки, они сами на себя не похожи.

Мельком взглянув на тетю, замечаю на ее шее татуировку! Тетя Норин и тату! Вот это да!

— Последствия бурной вечеринки? — У меня от удивления глаза на лоб лезут.

Норин не сразу понимает, о чем я. А когда понимает, бледнеет и резко опускает руки. Вот почему она носит свитера под горло. Скрывает татуировку!

Тетя Норин такая гордая, такая правильная. Вкусно готовит, красиво говорит, много читает, играет на фортепиано. Педантична и непоколебима, будто сошла со страниц романа Жюльетты Бенцони! Разве она могла сделать тату в виде перевернутого треугольника?

— В молодости мы совершаем ошибки, — наконец отвечает она, растянув губы. Но на улыбку это совсем не похоже. Мне даже становится жутко. — Я много чего натворила.

Это уже совсем не смешно. Я хочу съязвить, но вместо этого не могу шевельнуться.

— Ты хороший человек.

Мы смотрим друг на друга. Норин словно говорит: я знаю, что ты сомневаешься, что ищешь ответы на вопросы, о которых лучше было бы забыть. Она касается пальцами моих волос, заправляет их назад. Продолжает глядеть мне прямо в глаза и шепчет:

— Все мы хорошие люди, когда хорошо притворяемся.

На ее лице неожиданно появляется ухмылка, и Норин уходит, оставив меня в полном замешательстве. Я не могу дышать. Смотрю ей вслед и хватаюсь пальцами за горло. Меня трясет. Неожиданно я верю, что моя тетя может быть опасной.

Черт возьми, сердце у меня бьется где-то в висках, я вновь перевожу взгляд на стену, гляжу в глаза Рамоны Монфор и застываю. Кто же ты? И почему мне так страшно.

Глава 5

Потустороннее

Я лежу с открытыми глазами. В комнате темно, обои сливаются с мебелью.

Я жду. Сглатываю и зажмуриваюсь, прислушиваясь к тишине. Она давит. *Этот дом мертвый.* Я понятия не имею, откуда в моей голове такие мысли, но чувствую нечто, нависшее над моей кроватью. Это нечто живое. Оно наблюдает за мной и парализует. Все думаю о рассказе Хэрри про то, как тетя Норин шипела, думаю о глазах Рамоны Монфор — таких же прозрачных и странных, как и озера в Мэриленде. Я думаю о религиозных фанатиках, которые глядят на меня так, будто бы я помазанница самого Дьявола. И вспоминаю о девушке, которая попала под колеса машины.

Мне страшно. Взгляд тети Норин, ее улыбка, скорее похожая на оскал. Я никогда бы не подумала, что она способна прорываться внутрь меня, пикировать в ребра и разрывать их на тысячи частей. Поражать сердце. Сжимать его. Сдавливает в длиннющих пальцах.

Встряхиваю волосами и резко переворачиваюсь на спину, уставив взгляд в потолок. Я смотрю вверх, а сама воображаю, как сквозь стену прорываются длинные черные когти, как они рушат потолок, раскрывая его, словно свежую рану, и прорываются в мой мир. Я невольно представляю уродливую голову, слизь, оставленную на стенах костлявыми пальцами. Представляю это и чувствую, как мой пульс тарабанит в шее. Мое сердце колотится в груди, как сумасшедшее. Мне нечем дышать.

— Так, хватит! — Я порывисто спрыгиваю с кровати и тянусь к лампе. В комнате загорается тусклый свет, и мне становится лучше. Прохожусь ладонями по вспотевшему лицу, осматриваюсь и стискиваю талию в пальцах, словно защищаясь от чего-то.

Я сошла с ума. Двинулась. Сто процентов. Внезапно хлопает входная дверь. Я вздрагиваю.

— Что за...

Подхожу к окну и вижу, как тетушки садятся в машину. Что вообще происходит? Прижимаюсь лбом к стеклу. Остроносый «фольксваген» газует и через пару секунд скрывается за поворотом.

«А многие каждый месяц в полночь укатывают на машине в лес?» — невольно вспоминаю я.

— Нет, не может быть!

Гляжу на часы. Полночь.

Вот черт. Да вы, должно быть, шутите! Меня разбирает нервный смех. Какого дьявола тут творится? Куда они уехали?

«Сделаем это сегодня!»

Они планировали уехать и уехали. Вот только что делать в таком городе как Астерия в полночь? И в городе ли?

Решительно стискиваю зубы. Я заставлю тетушек объяснить, наконец, что происходит! Я выведу их на чистую воду. И помочь мне сможет только один человек.

Открываю ноутбук и ищу в социальных сетях страницу Хэйдана Нортон. Поиски не занимают много времени. Прыскаю от смеха. На фотографии Хэрри заметно младше. Господи, ну почему единственный человек, способный мне помочь, — главный неудачник

Астерии.

Надо спешить, но из любопытства я все же открываю закладку: информация о пользователе:

«Адрес: город ужаса, завывающий район, улица страданий, дом ожиданий, квартира страстного поклонника ходячих мертвецов».

— О боже, парень, что же ты творишь?

Хэрри онлайн, и я пишу короткое сообщение:

«Есть дело. Встретимся у церкви через пять минут».

Вспоминаю слова Мэтта о том, что церковью тут предостаточно, и добавляю:

«У церкви, где мы тестировали мою грешную душу».

Ответ приходит практически сразу.

«Уже выдвигаюсь. Машину брать?»

Я довольно ухмыляюсь.

«Если она прилагается к набору юного преследователя».

Значок «онлайн» в профиле Хэйдана перестает светиться зеленым, и я срываюсь с кресла. Хоть бы вся эта чушь оказалась лишь плодом моего разыгравшегося воображения! Может, тетушки просто захотели полюбоваться в полнолуние звездным небом?

Натягиваю джинсы и свитер. Мне никогда еще не приходилось следить за кем-то ночью, но я вдруг решаю, что мне необходимо взять с собой куртку, зарядное устройство, мои любимые железные конфеты «Джелли Белли» и блокнот с ручкой. Не знаю, зачем блокнот с ручкой.

Выбегаю на улицу и понимаю, что ночью одной идти по незнакомому городку не так-то приятно. Не то чтобы я струсил, но мне становится не по себе. Идти до церкви минут пять. Быстрым шагом еще меньше. Ох, лучше бы вместо блокнота я взяла нож. От маньяков неудобно отбиваться зарядным устройством. И конфетами их до смерти не накормишь.

Оглядываюсь по сторонам и плотнее запахиваю куртку. В соседних домах не горит ни одного окна. Противно завывает ветер. Из обычных звуков — топот моих кроссовок по асфальту. Хуже бывает только в фильмах ужасов. Но там за кадром звучит еще и тревожная музыка.

Наконец вижу шпиль церкви. Разноцветные витражи жутковато поблескивают в лунном свете. Мне вдруг кажется, что из-за этих стекол кто-то наблюдает за мной. В горле застревает ком.

Показалось. Нет там никого.

Сзади проносится хруст. Я резко оборачиваюсь и примерзаю к месту. Какого черта?

Ветер проносится по темной улице, завывая и подкидывая иссохшие листья, и я не вижу ничего, кроме пугающей пустоты. Что это было?

Поправляю волосы и медленно схожу с места. Теперь мне действительно не по себе. Скорее бы увидеть Хэрри. Неожиданно я становлюсь на удивление робкой девушкой. Никогда бы не подумала, что паника подкрадывается к тем, кто пережил самые страшные мгновения в своей жизни.

Очередной треск полоснул по мне словно бритва. Я оборачиваюсь, уверенная в том, что за мной кто-то следит, но никого не вижу. Никого!

Это уже меня совсем не устраивает. Порывисто разворачиваюсь на носках кроссовок и стремительно несусь к церкви. Пошло все к чертям. Найду тетушек и сверну им шею!

— Ари, — неожиданно произносит до боли знакомый голос, — Ари, куда ты?

Я останавливаюсь. Резко и неуклюже. Меня будто ударяют по ребрам, и дышать мне становится трудно. Не знаю, откуда я нахожу в себе силы обернуться, но я оборачиваюсь и вижу то, что заставляет меня согнуться от боли.

Напротив меня, метрах в тридцати, стоит *Лора*.

— Ари, — говорит она, — Ари, почему ты убегаешь?

Я хватаюсь ладонями за лицо. О боже. Этого не может быть! Нет, нет.

— Пожалуйста, вернись. Я соскучилась, Ари. Мне холодно.

— О господи.

Это невозможно. Моя сестра умерла, это не может быть она!

— Ари, что с тобой? Тебе плохо?

— Это не ты! — восклицаю я, пятясь. — Нет, нет...

Тело сводит судорогой. Моя сестра глядит на меня огромными карими глазами, а я вдруг замечаю струйку крови, тянущуюся вдоль тонкой шеи. Кровь катится по плечу, пальцам, капает на асфальт. Мне кажется, я слышу удар каждой капли. Бум. Бум.

Меня охватывает дикая паника.

— Не может быть...

— Ари.

— Нет. — Отхожу назад.

— Останься.

— Нет...

— Ари, пожалуйста, мне страшно.

— Нет!

Ноги цепляются об асфальт, будто он липкий, но я упрямо несусь вперед, отчаянно работая руками. Что происходит? Перед глазами все плавает. Грудь дерет от боли. Это не может быть правдой. Нет, нет, это не Лора. Я сошла с ума. Это не она.

Я оборачиваюсь и вижу, как моя маленькая сестра тянет ко мне окровавленную руку.

— Ари! — восклицает она, и я внезапно врезаюсь во что-то твердое. Небо, деревья, асфальт смазываются перед глазами, и я едва не падаю, но меня подхватывают чьи-то руки.

— Ты что творишь? — спрашивает знакомый голос, и, подняв подбородок, я вдруг вижу Мэтта. — Ари, что с тобой?

Я не могу дышать. И говорить я не могу. Смотрю себе за спину, туда, где несколько секунд назад стояла моя сестра, и застываю: на дороге никого нет. Там пусто.

— Что происходит?

— Черт, — я отпрыгиваю от парня и хватаюсь ладонями за лицо.

Что со мной? Боже, что со мной. Непроизвольно гляжу на дорогу, колени трясутся, я трясусь. Это ведь невозможно. Лора не могла быть здесь. Она ведь умерла, ее ведь нет.

— Ари...

Мэтт приближается ко мне, а я вновь делаю шаг назад. Растерянно смотрю на парня.

— Что ты здесь делаешь? — Мой голос тихий. Чужой. Будто и не мой вовсе.

Настороженно осматриваю Мэтта, понятия не имея, что он тут забыл. На нем теплая толстовка, черные джинсы: он одет так, словно решил выйти подышать свежим воздухом. Но кто в здравом уме захочет бродить ночью по Астерии?

— Ты бледная. Ты плакала?

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

— Меня?

— Да. Хэрри возится с машиной, завести не может... Попросил меня пойти к тебе навстречу, чтобы ты не волновалась.

— Но... — недоуменно покачиваю головой, — с какой стати он попросил тебя? Вы что, дружите?

— От кого ты убегала?

— Где Хэрри?

— Ответь на мой вопрос.

— А ты на мой, — поднимаю подбородок и смотрю парню прямо в глаза. Что, если это он шел за мной по пятам? — Мэтт, что ты здесь делаешь?

Мне все это не нравится. Мало того что я не могу отделаться от ощущения, будто Лора стоит рядом, так еще и Мэтт смотрит на меня с таким непроницаемым лицом, словно ночные прогулки по Астерии — обычное дело.

— Я уже все тебе объяснил, — повторяет парень. — Хэйдан опаздывал и не хотел, чтобы ты торчала тут одна.

— Но почему он попросил именно тебя?

— Потому что мы живем вместе.

— Что вы делаете?

Мэтт разводит руками:

— Хэйдан — мой брат.

— Кто? Не может быть!

— Сводный.

— Но вы совсем не похожи.

— Мы и не должны быть похожи.

Не могу поверить. Хэрри и Мэтт. Они ведь абсолютно разные.

— Скажи, что стряслось? — Мэтт хмурится. — Тебя трясет.

— Мне показалось...

— Что показалось?

— Что... — сглатываю и заглядываю в темно-синие глаза парня. Нет уж. Ему я не собираюсь рассказывать о своих галлюцинациях. — Что за мной кто-то следил.

В этом есть доля правды. Не такая уж я и лгунья.

— Кто следил? — Парень оглядывает улицу за моей спиной. — Ты его видела?

— Или ее... — горько усмехаюсь я и вновь вспоминаю лицо Лоры. Боже, неужели это и правда со мной происходит? — Мы ведь живем в современном мире. Не только мужчины становятся маньяками.

— Шутишь?

— Пытаюсь.

— У тебя слезы...

Мэтт заботливо вытирает мне подбородок.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь привести тебя в чувство, — он спокойно смотрит на меня, будто не сделал ничего странного. — Ты в порядке?

— Да, спасибо.

— Точно?

— Точно.

— Так куда вы собрались? Уже поздно.

— С какой целью интересуешься? — прищурившись, поглядываю я на парня.

— Собираюсь разболтать родителям.

— Так и знала.

— Ари, серьезно, во что ты втягиваешь моего брата?

— Вообще-то это обоюдный процесс. — Язвлю я и шмыгаю носом.

— Хэрри доверчивый, а такие, как ты...

— Это еще какие?

— Ты знаешь.

— Честно? Понятия не имею.

— Ты новенькая и интересная... — Мэтт взмахивает рукой, подбирая слова. — Еще симпатичная...

— Симпатичная, — эхом повторяю я.

— Хэйдан влюблен в свою Каролину с четвертого класса. Но это не мешает ему потерять голову. У него странные вкусы, мало друзей. А тут являешься ты, и вы решаете отправиться куда-то посреди ночи. Это, знаешь ли, настораживает.

Что? О чем он вообще говорит?

— Тебя это не касается, — отрезаю я.

— Мне это не нравится. И одних я вас не отпущу.

— О господи. — Я закатываю глаза. — Ты серьезно?

— Да. — Парень решительно расправляет плечи и теперь кажется мне просто гигантом. — Куда вы едете?

— По делам. — Не хочется ничего ему объяснять. В конце концов, он единственный отнесся ко мне непредвзято. — Ты с нами не поедешь.

— А я и не должен спрашивать у тебя разрешения, Ариадна.

Ого! Какая решительность!

— Тебе это не понравится.

— Мне это уже не нравится.

— Мэтт...

— Ари, я не отпущу Хэрри одного. Я буду с ним, куда бы он ни пошел.

— Но ему не пять лет.

— Какая разница? И в пять и в пятьдесят он будет моим братом.

Задумчиво пожимаю плечами. На самом деле мне нравится, что Мэтт так печется о Хэйдане. Достойное поведение для брата.

— Ладно, — вздыхаю я. — Дело твое. Только не говори потом, что я тебя не предупреждала.

— Договорились. Так что вы собираетесь делать?

Я поджимаю губы. Ладно, сам запросился... А мог ведь сидеть дома и болтать по телефону со своей ненаглядной Джил, с-которой-он-уже-до-мелочей-продумал-будущее.

— Мы собираемся проследить за моими тетушками.

— Что? — Мэтт хлопает густыми черными ресницами.

— Ты слышал.

— Зачем?

— Норин и Мэри-Линетт что-то скрывают. Я хочу выяснить, что именно. Это важно.

— И делать это надо сейчас, да? — хмыкает парень. — Классика.

— В каком смысле?

— Вы не хотите разобраться во всем утром, вам подавай драму.

— Я не виновата, что мои тети отправились черт знает куда именно в полночь.

— А нельзя расспросить их за завтраком? Эй, а куда вы вчера уезжали так поздно?

— А где гарантия, что они скажут правду? Я должна увидеть все своими глазами.

— Что ты собираешься увидеть, Ари?

— Мэтт, я не заставляю тебя идти с нами.

— Ответ. В чем дело? — Парень глядит на меня исподлобья. — Почему твои тетушки вообще куда-то поехали ночью?

— Это я и собираюсь выяснить.

— Как? Нам их уже не догнать. Ты ведь это понимаешь?

— Поэтому я и написала Хэрри... я правда не хочу, чтобы у него были проблемы. Но он знает, куда они направились.

— Что? — удивляется парень. — Откуда?

Слава богу, мне не приходится отвечать, потому что из-за поворота с жутким ревом падающего авиалайнера выкатывается древняя колымага и, пустив из выхлопной трубы черный дым, останавливается возле нас с Мэттом.

— Садитесь! — с довольным видом машет из окна Хэйдан. — Ну же, давайте!

Забираемся на передние сиденья.

— Знаешь, Хэрри, «Гринпис» наверняка уже выслал карательный отряд, — подкальваю я водителя развалюхи.

— И тебе привет, Ари.

— Seriously, эта машина привлекает больше внимания, чем новенький «ягуар».

— Ну, я бы так не сказал. Это тот самый пикап моего деда, о котором я тебе рассказывал.

— Восемьдесят третьего года?

— Шестидесят девятого.

— Почти угадала.

— Эй, нам всем завтра в школу... — ворчит Мэтт. — Если вы решили поиграть в детективов, может, уже начнем? Первый час ночи.

Я закатываю глаза.

— Ты еще можешь передумать.

— Нет, Ари, — отрезает Мэтт. — Я не передумаю.

— О, вижу, вы уже подружились? — язвит Хэйдан и поправляет очки. — На самом деле Мэтт не всегда был таким, Ари. Когда-то он любил...

— Хэрри, — резко обрывает брата Мэтт, — поехали!

— Ладно-ладно, как скажешь.

Хэйдан выжимает газ, пикап с ревом трогается с места, а я искоса поглядываю, как Мэттью играет желваками.

Странные ребята. Похоже, в каждой семье свои тайны.

Глава 6

Гора Симплегад

Мы едем по плохо освещенной дороге. Мое сердце грохочет, будто сумасшедшее. Но это не страх, это предвкушение чего-то необычного.

В салоне пахнет моторным маслом. Радио хрипит. Устраиваюсь поудобнее на скрипучем сиденье, затянутом рваным чехлом. Древняя колымага. Интересно, о чем говорили парни, которые гоняли на этом пикапе в далеких семидесятых? Что их волновало? Что делало счастливыми? Какие фотографии хранились под козырьком? Какую музыку передавали по радио?

— Давайте еще раз обсудим план, — произносит Хэрри, нервно постукивая пальцами по рулю.

— Но у нас нет плана.

— Это меня и волнует!

— Будь у нас план, что бы это изменило? — ворчит Мэтт.

— Ты такой же старый, как эта колымага, — возмущаюсь я. Мэттью в сотый раз пожимает плечами. Последние полчаса он так реагирует на все, что бы я ни сказала. Я его явно раздражаю. — В чем дело?

— Ни в чем.

— Тогда почему ты...

— Почему я — что?

— Ведешь себя так? — до тошноты правильный старший братец начинает меня раздражать.

— Как? Мы едем посреди ночи непонятно куда, чтобы уличить твоих родственников в вандализме.

— В колдовстве, — встречает Хэрри. Лучше бы он молчал. Я и не думала, что причина нашего путешествия звучит так по-идиотски. — Я не вовремя?

Нервным движением поправляю волосы.

— Мы никого не собираемся ни в чем уличать. Мы просто ищем моих тетушек, которым взбрело в голову прогуляться.

— И делаем мы это, потому что... — Мэтт приподнимает руку, ожидая продолжения, а я язвительно улыбаюсь.

— Дай вспомнить. Потому что я новенькая, интересная. И симпатичная.

Мы буравим друг друга взглядами.

Хэрри усмехается.

— Слушайте, мы почти приехали!

— Почти?

— Ага. Минут пять осталось.

— И ты каждый месяц ездил в такую даль? — Мэтт качает головой. Новость о том, что его брат устроил слежку за посланницами Дьявола, рассказанная по дороге, похоже, вовсе не воодушевила Мэтта.

— Это научный эксперимент.

— А ты не боишься сам стать жертвой этого эксперимента?

— Ты просто не видел того, что видел я.

— Сомневаюсь, что ты вообще что-то видел.

— Считаешь, я выдумываю? — Хэрри смотрит на брата в упор. — Да, я не...

— Осторожно! — кричу я, внезапно увидев перед самым капотом огромное черное пятно. Ужас заставляет меня вжаться в сиденье.

Хэйдан резко выворачивает руль, покрышки визжат так отвратительно, что в салоне дребезжат стекла! Пикап вылетает на встречную полосу.

Перед глазами резко темнеет, и вместо испуганных лиц Хэрри и Мэтта я вижу застывших от ужаса Лору, маму и отца. Последние мгновения их жизни. Папа вцепился в руль, мама кричит. Боль в моей голове становится материальной, я слышу хруст, меня словно затягивает в черную дыру. Мне страшно. Страшно одиноко. Страшно плохо.

Я перестаю дышать.

Моя семья погибла под похожую какофонию звуков: визг шин, свист ветра, рычание свихнувшегося от нагрузки двигателя. Они погибли быстро. Я надеюсь. Они ничего не почувствовали. Я верю.

— Ари?

Моя мама предчувствовала плохое. Она посмотрела на меня и сказала: «Жизнь такая короткая». Может, она знала? Может, она понимала, что умрет?

— Ари? — Я растерянно хлопаю ресницами и неожиданно вижу огромные глаза Хэрри. Стекла его очков запотели. На лбу испарина. — Ари, ты в порядке?

До меня только доходит, что я вцепилась в локти парня так, что ноют пальцы.

Отец смотрел на меня так же. Заботливо. Я всегда знала, что могу ему доверять, что он меня спасет. Хэрри недоуменно хмурится.

— Ты чего?

— Не знаю... Я... — трясую головой. — Прости.

— Прекрати, это я виноват. Все в порядке. К счастью, дороги пустые! Ночью никто в этом направлении не ездит.

— Да. — Я сглатываю ком и разжимаю побелевшие пальцы. — К счастью.

Машина стоит на обочине. Легкая дымка плавает над асфальтом, пахнет горелым. Наверное, Хэйдан выжал тормоза до упора.

— Что произошло? — спрашивает Мэтт.

— На дороге кто-то стоял.

— Кто-то?

— Животное. По-моему. — Я прищуриваюсь. — Трудно сказать, разглядеть я не успела.

— Могу лишь заявить, что мы уже приехали... — как-то невесело усмехается Хэрри.

Я смотрю в окно на черный лес.

— Приехали? Но тут никого нет.

— А ты думала, мы приедем в отель для ведьм?

— Хватит, просто хватит их так называть, пожалуйста! — прошу я. — Будто и так не ясно, как глупо все это выглядит.

— Вот именно, — подначивает Мэтт и открывает дверь. Он самодовольно кривит губы.

Мне что, кричать на весь лес, что он прав?

— Вы идете?

— Прямо так и пойдём? — неожиданно интересуется Хэрри.

— Сам сюда ездил и нормально себя чувствовал. А сейчас тебе страшно?

— Мне не страшно. Я о том, что мы ничего с собой не берем.

— А что надо взять?

Хэйдан решительно обходит пикап и стягивает брезент с кузова. Мои глаза ползут на лоб от удивления.

— Давай сразу обговорим это, Хэрри, — предлагаю я, скрестив на груди руки. — Никто не предупреждал, что ты третий брат Винчестеров.

В машине валяются биты, веревки, фонарики... Мы с Мэттом растерянно глядим на все это, а потом парень качает головой:

— Сумасшедший дом.

— Нужно ко всему быть готовым.

— И поэтому в твоей машине черный скотч? — Мэтт подхватывает моток, прокручивает в пальцах и кидает обратно. — Кто из нас сабмиссив, кто доминант? Устроим здесь несанкционированный роман Эл. Джеймс.

— Ты читал «Пятьдесят оттенков»? — Я изумленно поднимаю брови. — О господи, не знаю, что хуже: Хэрри с битой или ты с этой книженцией.

— Ее Джил читала.

— Ну да, конечно. Оправдывайся теперь.

— Так, ребята, у нас нет времени. — Хэйдан хмурится и становится совсем не тем Хэйданом, который заикался при первой встрече. — Мэтт, я тут взял твой лук.

— Что взял?

— Твой лук и стрелы. Ты же занимаешься спортивной стрельбой, и я решил...

— Так, хватит. Что за ахиня? — перебивает Мэтт. — Я тебе что — Робин Гуд? Черт тебя дери, Хэрри, ты спятил? Какой лук? Откуда в кузове все это?

— Я подумал...

— Не надо ни о чем думать! Мы здесь лишь затем, чтобы Ари потешила собственную фантазию. Никто не собирается нападать на нас. И ведьм никаких не существует.

— Но я видел! — горячо восклицает Хэйдан. — Я видел, как тетушки...

— Прекрати. — Мэтт накрывает брезентом кузов, и над нами поднимается белый столб пыли. Он смотрит на брата с раздражением. Какой он до ужаса правильный. Как заноза в заднице. — Шевелитесь. Не хочу проторчать здесь до утра.

А я думала, он добрый. Да он самый настоящий паникер! Хотя, кто знает, какой он на самом деле. Я бы, наверное, тоже разозлилась, если бы меня потащили посреди ночи непонятно куда. С протяжным вздохом плетусь за парнями. Надеюсь, меня не придется отскрести от асфальта, когда мои тетушки узнают, чем я занимаюсь?

Мы спускаемся с обочины. Хэрри подает мне руку. Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Его стук заглушает звуки ночного леса, от которых кровь леденеет в жилах. Через несколько секунд свет от «габаритов» машины остается позади. Мы оказываемся в крошечной темноте.

Ветки хрустят под ногами. Над головами хлопают крыльями черные птицы. Что я вообще здесь делаю? Ах, да. Точно. Мне бы найти сумасшедших тетушек. Мэтт освещает дорогу фонариком. От этого лес кажется еще чернее и обступает нас еще теснее.

— Мы долго будем идти? — шепотом спрашиваю я и оглядываюсь.

— Вообще-то... если честно... Я никогда не находил их.

— Ты никогда — что?

Мэтт резко оборачивается, и братья едва не сталкиваются лбами.

— Эй, осторожнее!

— Если ты никогда их тут не видел, что мы здесь тогда делаем?

— Ну, я уверен, что они тут. — Хэрри с вызовом вскидывает подбородок. — Правда. Я знаю.

— Что ты знаешь?

— Мэтт, тише!

— Почему тише? Здесь никого нет, Хэйдан. Мы одни.

— Прекратите, пожалуйста. — Я втискиваюсь между парнями. — Слушай, Хэрри, с чего ты решил, что они вообще здесь?

— Я видел здесь, на дороге, вашу машину. «Фольксваген».

— Когда?

— Каждый раз.

— Но сейчас мы ее не видели, — напоминает Мэтт.

— Может, они оставили ее дальше?

— Ладно. Допустим. Но сколько ты собираешься идти? Весь лес мы не обойдем.

— Тут есть гора, — кивает парень. — Я изучил карту.

— Когда ты все успеваешь?

— В газетах писали об убийствах и жертвоприношениях. Если ведьмы где и сидят вокруг костра, обсуждая расчлененку, делают они это определенно на горе Симплегад.

— То есть ты привел нас туда, где обычно находят трупы? Молодец... — Мэтт потирает пальцами переносицу и пожимает плечами. — Ты превзошел сам себя, Хэрри.

— Да что ты ко мне цепляешься? — неожиданно восклицает парень. — Хватит!

— Я не цепляюсь.

— А что ты делаешь? Тебя вообще здесь быть не должно.

— А где я должен быть, а? — Мэтт наступает на брата. — Не думаю, что я смог бы спокойно спать дома, зная, где тебя носит.

— В следующий раз ничего тебе не расскажу.

— Эй, прекратите!

— А что он язвит? Черт, Мэтт, ты за сегодня израсходовал годовой запас шуток.

— Я просто...

Внезапно из глубины леса доносится оглушительный треск, и Мэттью оборачивается, заслоняя нас с Хэйданом спиной.

— Что это было? — в голосе парня не слышно и тени страха. А вот мы с Хэрри придвигаемся друг к другу поближе. — Вы что-нибудь видите?

— Нет.

— Знаете, нам пора возвращаться.

Мне вдруг думается, что перспектива встретиться с тетушками, приехавшими сюда отдать должное Дьяволу, меня уже вовсе не прельщает. Может, они вообще уже попивают дома чай из какого-нибудь засушенного подорожника и ждут меня, нетерпеливо поглядывая на часы. Едва я представляю себе эту картину, как вдруг между черными ветками появляется нечто, что заставляет мое сердце камнем провалиться вниз.

— Мэтт, — шепчу я, вцепившись в руку парня.

— Что?

— Мэтт, — вновь повторяю я. Язык онемел. Ноги ватные. — За деревьями кто-то есть. Мэтт, за деревьями... там кто-то стоит...

Мы стоим неподвижно и так плотно прижавшись друг к другу, что издали вполне сойдем за уродливое говорящее дерево.

— Кто здесь? — решительно спрашивает Мэтт. — Эй! Эй!

Тень не двигается. Парень медленно нагибается, шарит в листве и поднимает какую-то палку:

— Идем. Медленно.

— Но...

— Ари, — рычит он, подталкивая меня, — живо.

Хэрри тянет меня за собой. Мэтт переступает с ноги на ногу, поудобнее перехватывая оружие. Внезапно по лесу проносится оглушительный волчий вой. Такой, что кровь стынет в жилах, а в глазах темнеет от ужаса! И через мгновение из кустов на нас прыгает огромное животное — точь-в-точь чудовище из кошмаров.

— Мэтт!

Зверь царапает землю, сгребая когтями листья, и издает еще один клопочущий рык.

— Живо! — не своим голосом орет Хэйдан и дергает меня за руку. — Давай же!

Сломав голову мы несемся, не разбирая дороги. Мельком взглянув назад, вижу, как Мэтт размахивает палкой направо и налево. Вновь слышится ужасающий рык. Внутри все сжимается, сердце колотит в ребра. Ноги не слушаются, и страх прокатывается по телу такой горячей волной, что мне становится жарко.

В голове мечется одна только мысль. Надо бежать. Бежать. Бежать.

— Ари! — вскрикивает Хэйдан и проваливается куда-то вниз. Я еле успеваю притормозить на краю небольшого оврага. Парень катится под откос прямо по спутанным корням, а потом застывает, откинув назад голову. Черт! Я кидаюсь к нему.

— Нет, Хэрри, нет, вставай, вставай! — Я тащу Хэйдана за плечи. — Вставай!

Наконец он приходит в себя и поднимается на ноги. Я закидываю его руку на свои плечи и уже собираюсь бежать дальше, как вдруг замечаю, что с вершины оврага на нас летит гигантская черная тень.

Неужели это конец? Темнота, ужас. Как все глупо. Но...

Неожиданно перед моими глазами появляется Мэтт. Чудовище налетает на толстую палку, которую парень держит в руках. В стороны летят щепки, когда, врезавшись в уродливую морду, палка с глухим треском ломается. Тяжело дыша, Мэтт с удивлением смотрит на свои пальцы.

— Быстрее, — хрипит он, откашливается и повторяет уже громче, — быстрее!

Мы карабкаемся по склону оврага. Вот уже видны красные габаритные огни машины! Дьявол, я должна выбраться, я должна это сделать! Давай. Давай!

Топот наших ног эхом разносится по лесу. Мы бежим, раскрыв рты, задыхаясь, и старый пикап кажется нам райскими воротами.

— Хэйдан, ключи! Доставай ключи!

Рык за спиной становится таким оглушительным, что я уже представляю, как звериные лапы опускаются на мои плечи. Хэрри со всего маху наваливается на крыло машины и дрожащими руками достает из кармана связку ключей. Вот он уже распахивает водительскую дверь.

Совсем чуть-чуть! Совсем! Я едва не поскользываюсь, но мне все же удается открыть дверцу и запрыгнуть в салон.

— Мэтт! — прямо за спиной парня вспыхивают два красных глаза.

— О боже. Мэтт! — Хватаю парня за кофту и буквально затаскиваю на сиденье. Хэрри газует, и мы уже на ходу захлопываем дверь.

Проклятье.

Еле прихожу в себя. Оказывается, я сижу, навалившись на мокрое от пота плечо Хэрри, а мои пальцы все еще сжимают кофту Мэтта. Мы дышим так громко, что хрипы заглушают даже рев древнего двигателя.

А потом неожиданно мы начинаем смеяться. Все трое. Хохочем, поглядывая друг на друга.

Мэтт закрывает ладонями лицо:

— Вот же дерьмо!

— Настоящее дерьмо случилось бы, если бы мы там остались! — нервно улыбается в ответ Хэрри. — Что это было? Койот?

— Снежный человек.

— Я серьезно.

— А ты как думаешь? Волк, наверное. Большой волк.

— Уж точно не твои родственники, — Мэтт устало откидывается на сиденье. — Поверить не могу.

— Я тоже! — поддакивает Хэрри. — Ты его так отшвырнул, будто бейсбольный мячик.

— Я спасал твою жизнь, если что.

— Я заметил.

— Больше никаких походов по ночному лесу, — резюмирую я, поглядывая на парней. Мэтт прикрывает глаза. Пальцы Хэйдана дрожат на руле.

— По крайней мере, без оружия.

— Больше. Никаких. Походов, — косится Мэтт на брата из-под опущенных век.

— Но ведь мы так ничего не узнали! — хмурится Хэрри.

Я отворачиваюсь и крепко прикусываю губу. Одно мне не дает покоя. Тень, которую я видела, принадлежала явно не животному. Гляжу на ребят и замираю.

Эта тень принадлежала *человеку*.

Глава 7

Новые впечатления

К дому мы подъезжаем в третьем часу ночи.

— Ари. — Мэтт кивает в сторону особняка. — Ваша машина.

— Черт, они дома, — я замечаю, что в окнах кухни горит свет.

— Может, они вообще не ездили ни в какой лес?

Мэтт открывает дверь и выпускает меня из машины.

— Сейчас и спрошу.

— Так будет лучше, Ари, — кивает парень, разминая плечи. — Разберись с этим и забудь.

— Наверное, ты прав.

— Я прав, — ухмыляется Мэтт. — Иди, завтра увидимся.

— Спасибо тебе, — я заглядываю в салон машины и киваю Хэйдану.

— Обращайся. — Парень довольно улыбается. — Это ведь не последняя наша вылазка?

— Возможно, только не говори Мэтту, а то его хватит удар.

— Заметано.

Старый пикап, кряхтя, трогается с места.

Что ж. Я ведь хотела узнать правду? Вот и узнаю.

Обида и злость придают мне решимости. Если бы не все эти секреты и недомолвки моих тетушек, мы с парнями никуда бы не поехали. И не столкнулись бы с непонятным лесным чудовищем, которое нас чуть не загрызло.

Открываю дверь.

Боже, кого я пытаюсь обмануть? Я сама виновата в том, что подвергла опасности наши жизни. Мама всегда упрекала меня за взбалмошность и неумение смотреть вперед. Я с ней ссорилась. Она говорила со мной так, словно я очередной трудный подросток на грани срыва. И мы не слышали друг друга, как ни старались. Я не слышала. Не хотела.

Возможно, теперь я должна вести себя иначе? Впрочем, мамы больше нет. Значит, и исправляться мне теперь незачем.

— Что. Это. Значит, — железным тоном интересуется тетя Норин, хмуря черные брови. Как ей удалось вновь подкрасться ко мне так незаметно? Да еще и на высоченных каблуках?

Так. Стоп. На высоченных каблуках?

Я растерянно осматриваю тетю с ног до головы. Белая блузка, черная юбка-карандаш. Волосы красиво уложены. Губы подведены темно-бордовой помадой.

Наверное, монстр все-таки укусил меня и начались галлюцинации! Эта женщина носит свитера под горло и широкие брюки. Даже в невыносимую жару!

— Где ты была? — снова спрашивает Норин. — Черт возьми, где тебя носило, Ари?

— Норин, прекрати, — Мэри-Линетт с усталым видом плетется из кухни. На ней тоже белая блузка, вот только вместо юбки черные узкие брюки с высокой талией.

— Не прекращу.

— Главное, она здесь.

— Да, я здесь. А вот куда пропали вы?

— При чем тут мы? Ари, где тебя носило? Ты видела, который час?

— Я просто...

— Просто что? Мы места себе не находили! — Норин вытаскивает из прически шпильки, и черные короткие волосы кончиками касаются ее худых плеч.

— Где ты была, Ари? — мягко спрашивает Мэри. — Мы переживали.

— Я хотела...

— Что ты хотела?

— Прогуляться, — осторожно начинаю я. — Почему вы уехали?

— А мы не можем уехать?

Хороший вопрос. Но меня так просто не проведешь.

— Можете. Но почему посреди ночи?

— Потому что бары не работают по утрам, дорогая моя Ари. — Мэри-Линетт складывает на груди руки и дергает уголками губ, будто спрашивая: ну, что ты теперь скажешь?

— Бары?

— Да, бары.

— Но...

— Какая разница, куда ходили мы, Ари. — Норин с явным облегчением скидывает туфли и гневно смотрит на меня. — Мы приехали, а тебя нет.

Мне становится не по себе. Я вдруг понимаю, что, действительно, не должна была никуда ехать посреди ночи.

— Я гуляла с друзьями.

— С какими друзьями?

— С братьями Нортон, — я равнодушно пожимаю плечами и решаю ни за что не признаваться в том, что хотела уличить собственных тетушек в колдовстве. — С Мэттом и Хэрри.

— Ты гуляла по Астерии с двумя мальчиками?

— Парнями.

— С парнями, — кивает Норин и устало глядит на Мэри-Линетт, — ну, теперь нам гораздо легче. Правда, Мэри?

— Не знала, что вы ездите по барам, — наступаю я.

— А мы не знали, что ты любишь убежать из дома.

— Я не убегала. Я просто решила прогуляться.

— Нельзя просто прогуливаться ночью, Ари.

— Может, я буду делать то, что хочу? — раздраженно говорю я и стискиваю зубы. — Что еще мне запрещается?

— Все, что подвергает твою жизнь опасности.

— Но я ничего такого не сделала! — Кроме того, что уехала из города, бродила по лесу и уносила ноги от бешеного волка, койота или бог знает кого.

— Сделала. Ты ушла без разрешения.

— Моя мама умерла. У кого мне его спрашивать?

— Ари! — восклицает Мэри-Линетт, а Норин смотрит на меня с таким укором, что лучше бы она на меня наорала. Я понимаю, что перешла черту. Мне становится стыдно. Виновато поджимаю губы и потираю лоб.

— Простите, я не хотела. Правда, я не подумала.

— Впредь думай, — отрезает Норин, подхватывая с пола туфли. Она вновь спокойна и

холодна. Прежде чем уйти, тетя оборачивается: — Никогда больше так не делай.

Я молча смотрю, как тетя поднимается по лестнице. Ужасно стыдно. Лицо горит. Что на меня нашло?

— Ты в порядке? — интересуется Мэри-Линетт.

Я неуклюже поправляю спутавшиеся волосы:

— Да. Все в норме.

— Ты правда была с братьями Нортон?

— Правда.

— Они хорошие ребята.

— А вы? — Я переминаюсь с ноги на ногу, стискивая в пальцах ремень сумки.

— Что мы?

— Вы были в баре?

Тетя Мэри вымученно улыбается, подперев дверной косяк.

— А где мы еще могли быть, Ари? Что ты себе навывдумывала?

— Я волновалась.

— Норин целый день была как на иголках... Я решила вытащить ее в бар отдохнуть. Здесь нас не особо любят. Мы поехали в Дилос. Но уже через несколько минут она взбунтовалась.

— Кто бы сомневался, — усмехаюсь я.

— Ну, попробовать стоило, — Мэри-Линетт пожимает плечами. — Мы вернулись, а...

— А меня нет.

— А тебя нет.

— Но я в порядке. Правда! Я просто прошлась с ребятами, и все.

— И где вы гуляли?

— Ну, везде. — Я нелепо взмахиваю руками. — До школы, по площади.

Мэри медленно кивает и выключает свет в смежной комнате.

— У тебя листья. *В волосах.* — Она приближается ко мне, невесело улыбаясь, а я вновь стыдливо корчусь. Черт возьми. Неужели и правда подловили? — Просто спрашивай.

— О чем?

— Обо всем, Ари. Ты хочешь о чем-то спросить?

Я растерянно стискиваю зубы, а Мэри-Линетт смотрит на меня так пристально, что я чувствую себя прозрачной. Господи. Такое ощущение, будто она видит меня насквозь.

— Есть что-то, что тебя волнует?

У Мэри поразительные глаза. Гипнотизирующие. Но я умудряюсь ответить.

— Нет.

— Ты уверена?

— Да, — еле выдавливаю улыбку. — Все в порядке.

— Ну, как скажешь, — усмехается тетя Мэри. — Если ты хотела прогуляться, нужно было просто сказать.

— Я уже поняла, тетя Мэри. Серьезно. Я плохая племянница. И прочее в этом духе.

— Отлично. Надеюсь, вопрос закрыт, — бросает Мэри-Линетт, поднимаясь на второй этаж.

— Да уж. Я тоже на это надеюсь, — еле слышно шепчу я.

— Господи, ты бы их видел!

— Все так паршиво? — Хэйдан плетется рядом с виноватым видом, будто ночная прогулка по лесу была его идеей. Солнце блестит в его громадных очках. Я чувствую себя довольно сносно, несмотря на четыре часа в кабинете химии и муки совести после разговора с тетюшками.

— Эй, Ари, ты здесь?

— Да. Просто задумалась.

— О чем?

— О том, как все это глупо, Мы искали их в лесу, а они ездили в бар. И ведь правда ездили. Нарядились. Накрасились.

— Серьезно?

— Я сама удивилась! Тетя Норин даже нацепила туфли! А тетя Норин и туфли — это так же странно, как я и... не знаю что. После химии мозги отказываются соображать.

— Ты сказала им, где мы были? — Хэрри нервно потирает шею. — Надеюсь, нет, потому что...

— Потому что это безумие. Давай притворимся, что мы никуда не ездили.

— Хорошо. Давай.

Я вдруг замечаю, что парень прихрамывает.

— Хотя будет трудно. Что с ногой?

— Не знаю. Подвернул, наверное, когда падал в тот овраг.

— Может, нужно к врачу сходить?

— Кому это нужно к врачу? — Неожиданно рядом возникает Мэтт.

На нем черная футболка и черные штаны. Он перекладывает учебники из одной руки в другую и покачивает головой:

— Все в порядке?

— Почему у тебя на лице вечно такое выражение? — спрашиваю я, едва подавив смешок.

— Какое?

— Озадаченное.

— Скорее несчастное, — вставляет Хэрри.

— Ты так смотришь, будто завтра конец света, — я кладу ладонь на широкое плечо парня. — Давай же, Мэтт, улыбнись!

— Нормальное у меня выражение, — отстраняясь, ворчит он.

— Нет. Такое ощущение, что проблемы всего мира свалились тебе на голову.

— Я просто толком не спал.

— Мы тоже. Кстати, я только что рассказывала Хэрри о том, как тепло меня встретили дома.

— Тебе влетело?

Мы усаживаемся за деревянный столик под развесистым дубом. Обедать в столовой в такую погоду я категорически отказалась. Приятно пахнет скошенной травой. Издали доносится гул голосов, стук баскетбольных мячей, порой слышно, как девушки из команды поддержки выкрикивают речовки. Мне вдруг думается, что я многое упускаю. С головой

окунаюсь в свои переживания, тайны, расследования, которые, возможно, даже не имеют смысла. А жизнь проходит мимо.

Но потом я вспоминаю о том, как рухнул мой мир в Северной Дакоте. Стоит ли тогда вообще что-то делать, чем-то всерьез заниматься, если все может испариться в любой момент?

— Да уж, ей влетело.

— Не то чтобы влетело, — вздрагиваю я и кладу сумку на колени. Я опять отключилась! С этим нужно что-то делать. — Но приятного мало. Оказывается, Норин и Мэри были в баре. Развлекались, как обычные люди.

— Вот видишь, а ты волновалась, — протягивает Мэтт. — Дело закрыто?

— Да. Займусь, что ли, биологией.

— Тебе бы не помешало.

— Ой, замолчи.

— Нет, я серьезно, Ари. Есть время подумать о себе. Как считаешь?

— Ты о чем? — скептически поглядываю на парня.

— Он предлагает тебе заняться каким-нибудь стадным видом спорта, — хихикает Хэрри, теребя замок молнии на кофте. — Глупости.

— Я предлагаю заняться чем-то, что отвлечет тебя от детективных расследований.

— Может, мне еще помпонами пойти махать? — прыскаю я и закатываю глаза. Меня всегда тошнило от этих анарексичек, которые специально записываются в группу поддержки, чтобы потом расхаживать по школьным коридорам в безумно коротких юбках.

— Какие помпоны? Ты и чирлидеры? Я бы посмеялся, — искренне улыбается Мэтт. Удивительно, неужели мне удалось его рассмешить?

— Что тебя так позабавило?

— Ты неуклюжая.

— Неуклюжая?

— А еще недисциплинированная, а в спорте это важно.

— Ну, по части дисциплины ты у нас мастер. А еще по части скуки. Занудства.

— Занудства? — восклицает Мэтт. — Я рационален.

— Рационален? Ты? Человек, который занимается стрельбой из лука? — Я покачиваю головой, а Хэрри прыскает со смеху. — Прости, но это не так.

— Меня записал отец.

— И «Пятьдесят оттенков» читала Джил. Мы все знаем, как ты любишь оправдываться. Мэтт закатывает глаза.

— Ты бы и неделю не продержалась в группе поддержки.

— Чтоб ты знал, я занималась гимнастикой!

— И что?

— А то, что с дисциплиной у меня все в порядке.

— Так запишись. Давай! Хватит у тебя смелости? Я бы посмотрел на Ариадну Блэк, выкрикивающую на стадионе речовки.

— Глупые речовки.

— Ну, у тебя есть возможность это исправить.

— Боже, откуда ты такой взялся? Хэрри, его что, крестила сама дева Мария? Что не фраза — библейское наставление.

— Он постоянно ругает церковь, — заговорщицки шепчет Хэйдан, склоняясь ко мне, —

и я начинаю думать, что делает он это специально, чтобы никто не догадался о его безмерной любви к Господу!

— О, ну это все объясняет!

— Я еще здесь, — Мэтт помахивает рукой. — И я все слышу.

— Он нас слышит, — шепчу я. — Наверное, использует особые занудские приемчики.

— Очень смешно, Ари.

— А у тебя есть чувство юмора, Мэтт?

Мы смотрим друг на друга так долго, что мне становится неловко. Я хочу отвести взгляд, но не могу. «У Мэтта красивые глаза», — думаю я и растерянно застываю. Что на меня нашло? Обычные глаза. Самые обычные.

Неожиданно к нашему столику подходит светловолосая девушка. Солнце светит ей в спину, и я не могу толком рассмотреть ее лицо.

— Мэтти! — Широко улыбнувшись, она приземляется рядом с Мэттом и обвивает руками его шею. Кажется, я догадываюсь, кто это. — Я думала, ты в столовой.

— Нет, Джил. — Я еще ни разу не видела, чтобы он так улыбался. — Решил с Хэрри посидеть.

О, видимо, я тут случайно оказалась. Вклинилась в семейный разговор. Мило.

— Я — Джил, — сообщает блондинка, протягивая мне руку.

— Ари.

— Я знаю. Вся школа знает.

— О, классно...

— Прости. Хотя, думаю, ты и так это понимаешь, — Джил, или как ее там, поправляет светло-русые волосы и вновь смотрит на Мэтта. — Чего ты на меня так смотришь?

— Я соскучился.

Соскучился? Нас с Хэйданом практически одновременно передергивает. О боги, кто этот человек? Где занудный и скучный Мэтт? Внезапно я даже затосковала по его «библейским наставлениям».

— Пройдемся? — спрашивает Джил.

Мэтт спокойно кивает и подхватывает рюкзак девушки. Мне почему-то неприятно смотреть на них. Конечно, в их отношениях нет ничего необычного, но в моей груди отчего-то начинает покалывать.

Мэтт обнимает девушку за талию, а она кладет голову ему на плечо.

— Удивительно, правда? — Хэйдан провожает парочку взглядом.

— Что именно?

— Конец сентября, а солнце палит, как летом!

Я криво улыбаюсь. Да уж.

— О чем задумалась?

— Я? — Покачиваю головой. — Ни о чем. С чего ты взял?

— Ты постоянно отключаешься. Витаешь в своих мыслях.

— Мы знакомы три дня, — смеюсь я. — Откуда тебе знать?

— Я же люблю наблюдать, забыла? — Хэрри вздыхает и поднимается со скамьи. — Идешь?

— Да. Конечно.

Мы так и не перекусили. Ничего, поем во время следующего перерыва.

— И сколько они уже вместе? — интересуюсь я, поправляя ремень сумки.

— Ты про Мэтта и Джил?

— Ну да.

— Года полтора.

— Серьезно?

Хэрри кивает и поправляет очки.

— Это аномалия на самом деле.

— Почему?

— Потому что отец Джил ведет воскресные службы.

— Что? — Я удивленно распахиваю глаза. — Ты смеешься?

— Нет! Жизнь — интересная штука, верно? Мэтт терпеть не может все эти наши походы в церковь, но сам встречается с дочерью пастора. А говорят, магии не существует.

— Это странно.

— Более чем. Но Джил появилась в его жизни в нужный для него момент. Поэтому он держится за нее, как за спасательный круг.

— В какой момент? — Мы останавливаемся под козырьком столовой. Мне хочется, чтобы Хэрри рассказал правду. Хочется узнать об обоих братьях побольше.

Хэйдан грустно хмыкает, потирая подбородок. Я и забыла, что больно бывает всем. Не только мне по ночам снятся кошмары.

— Слушай, можешь не отвечать.

— Да нет. Это не тайна. Мы ведь сводные братья. Мой родной отец ушел от нас давным-давно. Я его даже не помню. А вот мать Мэтта...

— Что?

— Умерла от лейкемии. Пять лет назад.

— Умерла? — Грудь обдаёт жаром. Я вспоминаю свою маму, и становится еще больнее. — Хэрри, мне очень жаль.

— Через год отец встретил женщину.

— Твою маму?

— Да. Они сошлись, ну, и ты понимаешь... отношения у нас не сразу наладились.

— Представляю.

— Долгое время Мэтт просто с ума сходил.

— Что изменилось? — Я подпираю спиной стеклянную перегородку.

— Спроси у него сама. — Хэйдан передергивает плечами. — Я никогда с ним не говорил об этом. Он изменился, и слава богу. Неважно почему. Главное, с тех пор мы перестали быть врагами.

Я киваю. Едва ли существует семья, в которой нет проблем. Разве кто-то может быть по-настоящему счастлив? Разве это вообще возможно? Людей уничтожают другие люди. Людей уничтожают внешние неприятности. Люди уничтожают сами себя.

Всегда есть то, что сделает тебя несчастным.

— Года два назад он познакомился с Джил. И очень изменился. — Хэрри мечтательно улыбается и смотрит на меня из-под опущенных ресниц. — Кто бы мог подумать, что бывает счастливый конец, правда? Что люди находят друг друга. Что люди любят.

— Да. Мир большой. Людей много.

— Но иногда что-то щелкает. Верно?

Я задумчиво смотрю на пустующий столик, где мы сидели несколько минут назад, и чувствую, как внутри меня холодеет. Не понимаю, отчего меня так коробит.

— Не знаю. — Я пытаюсь выглядеть безразличной. Что со мной? Откуда эти странные чувства. — У меня никогда не шелкало.

Глава 8

Секреты дома Монфор

Одной рукой Мэри-Линетт помешивает что-то в кастрюле, другой неловко держит книгу. Лицо у нее серьезное, словно она пытается разобраться в конструировании дельтапланов. Я усаживаюсь за стол и складываю перед собой руки.

— Не думала, что готовка — это так сложно.

Мэри растерянно оборачивается. Вид у нее смешной. Волосы собраны в пучок, на футболке мокрые пятна.

— Какая-то адская околесица! — машет она лопаткой и смеется. — Не понимаю, как Норин с этим справляется! Соль по вкусу, приправы по вкусу. Всего по вкусу, и получается какая-то отравка! И, черт возьми, в рецепте ничего толком не написано.

Я криво улыбаюсь.

— А где тетя Норин?

— Уехала.

— Уехала?

— Ага. В Дилос к знакомой, — Мэри пробует на вкус суп и морщится. — Черт. Не хочу огорчать тебя раньше времени, но, скорее всего, мы закажем пиццу.

Дилос — крупный город в тридцати километрах отсюда. Жители Астерии ездят туда развеяться и походить по магазинам. Но вообще-то репутация у городка вполне себе криминальная.

— Надеюсь, она уехала не из-за меня? — глухим голосом интересуюсь я. Идиотский вопрос...

— Кто?

— Норин.

— Пф, что за глупости? Ты-то тут при чем?

— Ну, мы вчера плохо поговорили.

— Если бы она уезжала каждый раз, когда мы с ней ссоримся, она бы здесь вообще не появлялась! — Мэри вытирает руки и со вздохом плюхается напротив. Вид у нее такой измученный, словно она не готовила, а как минимум сажала самолет. — Ты ведь не против пиццы? Можем заказать китайскую лапшу.

— Мне все равно. Честно. — Я вдруг улыбаюсь. Как будто нет никаких тайн, никакого страха. Как будто моих родственников не считают двинутыми. И мы такие же, как все.

— Как дела в школе?

— Я записалась в группу поддержки.

— Что? — прыскает Мэри. — Seriously?

— Завтра отбор. Но я ведь занималась гимнастикой, так что... — Делаю вид, что сосредоточенно разглядываю яблоки, оставленные на столе в прозрачной вазе.

— Не знала, что ты хочешь быть чирлидером.

— Я и не хочу. Наверное. Вообще, это был спор. — Вспоминаю лицо Мэтта и упираюсь лбом в стол. — Я должна продержаться хотя бы неделю. Только бы не сорваться. Терпеть не могу этих худощавых идиотов.

— Ну, ты тоже худая...

— Ты бы их видела! — я морщу нос. — Торчащие во все стороны кости, правда! И безумно короткие юбки, едва прикрывающие зады.

— Если ты их ненавидишь, зачем согласилась? — Мэри-Линетт придвигается ко мне совсем близко и хитро улыбается. — А с кем ты поспорила?

— С другом.

— И друг наверняка очень симпатичный.

Я смущенно краснею:

— Тетя Мэри!

— Что? — Она театрально хлопает ресницами. — Будто бы мне не было семнадцать.

— Такое ощущение, что кое-кто до сих пор не вышел из этого возраста.

— Лучше быть вечным ребенком, чем старой каргой!

— Мэтт вполне обычный.

— Мэтт, — пробует на вкус Мэри-Линетт и вновь прищуривается. — Тот самый, с которым ты гуляла вчера ночью?

— Я гуляла не только с ним, — парирую я. — Но еще и с его братом Хэрри.

— Но поспорила ты с Мэттом.

— Да.

— И именно он высокий, черноволосый и голубоглазый, верно?

— Ох, лучше бы я тебе ничего не рассказывала, — растерянно закрываю ладонями лицо.

Черт, сердце колотится как сумасшедшее!

— И, кажется, именно он встречается с Джиллианной Хью — дочерью пастора.

— Откуда ты все знаешь? — удивляюсь я.

— Городок маленький...

— Собираете сплетни? Теперь я хотя бы в курсе, какое у вас с тетей Норин хобби.

— И что на кону?

— В смысле?

— На что вы поспорили? — с довольным видом ухмыляется Мэри. — Рассказывай, между нами не должно быть секретов, Ари. По части мальчиков — я просто гуру.

— Мне не нужны советы по части мальчиков, — протягиваю я. — К тому же, это был не совсем спор. Просто так, к разговору пришлось. А я решила попробовать.

— Ох, осторожнее, моя милая.

— В каком смысле?

С грустной улыбкой Мэри-Линетт накрывает ладонью мои холодные пальцы.

— Самое светлое сердце становится темным, когда его разбивают.

Не понимаю, откуда столько драмы. Вроде болтаем о пустяках, а в глазах тети отражается целая история.

— Мое сердце действительно разобьется, — картинно закатываю я глаза, — если мы прямо сейчас не закажем пиццу.

Тетя смеется. Пусть не думает, что раскусила меня. Я умею держать язык за зубами.

На следующее утро обнаруживаю на кухонном столе записку: «Пицца в холодильнике. И да, я никудашная тетя».

Я здесь всего неделю, а мне кажется, что прошла уже целая вечность. Я стала забывать, как выглядел мой прежний дом, какого цвета были обои на кухне, сколько горшков с анемонами стояло на крыльце... Я почти не помню запаха маминых духов, названий

любимых книг Лоры и рычания двигателя папиной машины. Я потихоньку все это забываю. Вот что страшно.

Оказывается, я давным-давно просто живу дальше. Я боюсь признаться в этом самой себе, потому что это будет предательством по отношению к тем людям, которых я любила и которых больше нет. Предательством памяти о них. Мама и папа, Лора: они превращаются в призрачные силуэты. И я боюсь, что однажды, протянув руку, я наткнусь на пустоту, мне больше не за что будет ухватиться.

Воспоминания стираются. Как и все в этом мире: обида, боль, радость. Живешь ради мгновений, которые в скором времени исчезнут из памяти. Живешь ради призраков. Пора опомниться.

Встряхиваю головой, в очередной раз пытаюсь взять себя в руки.

Я достаю из холодильника пиццу, наливаю апельсиновый сок. Сегодня отбор в эту чертову команду поддержки. Надеюсь, обойдется без жертв. Хотя, что я жалуюсь? Сама ведь записалась.

В доме тихо. Слышно лишь, как тикают старинные часы.

«В доме». Интересно, когда это место стало мне домом? Странно. Быстро же я привыкла к тому, к чему люди привыкают месяцами. Может, дело в том, что здесь жила и моя мама? Десятки поколений Монфор рождались и умирали в этом особняке. И как бы странно это ни звучало, но здесь мое родовое гнездо.

Не хочу даже думать о том, сколько смертей видели эти стены, сколько слез отражалось в зеркалах.

Пора собираться в школу. Сую тарелку в мойку и плетусь к выходу.

От всех этих размышлений мне становится весьма паршиво.

В школе на меня по-прежнему смотрят с опаской. Это дико раздражает, но я упорно стараюсь не обращать внимания.

Отсидиваю четыре урока и направляюсь в западное крыло школы. О приближении к спортивному залу мне сообщает запах пота из раздевалок. Самое смешное, что я, пожалуй, соскучилась по этому запаху. Ведь когда я занималась гимнастикой, все в моей жизни еще было хорошо.

Девушки в раздевалке, не стесняясь, разглядывают меня, а я думаю лишь о том, чтобы не сорваться и не свернуть им шеи. Неужели им нечем больше заняться?

— Блэк? — слышу я низкий голос и оборачиваюсь. У стены наша тренерша что-то записывает в блокнот.

— Да.

— Ты как раз вовремя.

— Я очень дисциплинированная, — язвительно замечаю я, почему-то вспомнив слова Мэтта.

Однако тренерша поднимает на меня серые глаза и грозно вздыхает. Ладно-ладно, шутить с ней явно не стоит. Уяснила.

— Переодевайся. Форма в тринадцатом шкафике.

— Уже?

— В твоём деле написано, ты занималась гимнастикой пять лет.

— Ну да.

Женщина захлопывает блокнот, кивает квадратной головой и на ходу сообщает:

— У меня центровая подвернула лодыжку. Встанешь на ее место.

И все? Тренер уходит. Девушки снуют туда-сюда, а я гляжу на них и думаю: еще есть возможность убежать и не натягивать эту уродливую синюю форму! Правда, потом мне становится как-то грустно. В конце концов, надо ведь чем-то заполнить будни, а я ничем, кроме гимнастики, и не занималась.

Скептически осматриваю форму: короткую драпированную юбку и топ. Что ж, ну, наверное, могло быть и хуже. Или не могло. Одеваюсь, пытаюсь представить следующие несколько часов моей жизни.

Завязываю волосы в хвост, оттягиваю вниз юбку и выхожу из раздевалки. Тренировка проходит на улице. Неплохо. Теплые лучи приятно ласкают оголенные руки. Прикрыв глаза, подставляю лицо солнцу.

— Ты стоишь на беговой дорожке, — произносит чей-то голос.

Не знаю, какого черта все решили, что мне можно указывать. Оборачиваюсь, стиснув кулаки. Передо мной, скрестив руки на груди, стоит незнакомый парень. На его лице играет улыбка, свойственная лишь самоуверенным идиотам, которые, к сожалению, раньше с легкостью покоряли мое сердце.

— Я мешаю?

— Смотря кому, — отвечает незнакомец. Боже, да он со мной флиртует! Забыл, что ли, что я посланник Дьявола? — Я — Логан.

— Классно. Мое имя ты наверняка знаешь.

— С чего вдруг?

— Ну, я что-то вроде знаменитости в этой школе.

— И что ты натворила?

— Приехала, — натянуто улыбаюсь я, поправляя чертову юбку. Ветер то и дело лихо задирает коротенький подол, и я чувствую себя почти голой.

— Не вижу в этом ничего плохого. К тому же...

Парень вдруг замолкает, а я с любопытством вскидываю брови.

— Что? К тому же что?

Логан смотрит на меня в упор светло-кариими глазами, а затем делает шаг навстречу и оказывается так близко, что я чувствую щекой его горячее дыхание.

— К тому же не всем так идет эта форма.

Ого! А он смелый.

Парень разворачивается и на ходу бросает:

— Еще увидимся, Ари.

Я даже не нахожу, что ответить. Вот уж не думала, что в этой школе найдется еще кто-то, кто решится поговорить со мной.

Неожиданно я замечаю Мэтта. Убедившись, что тренерша еще не собрала девочек, решаю подойти к нему. Парень одет в серую футболку и широкие спортивные штаны. Сосредоточенно глядя на мишень, Мэтт уверенно натягивает тетиву. Затем раздается свист. Стрела на мгновение исчезает из поля зрения, а затем с глухим стуком вонзается в мишень. Впечатляет!

— Неплохо, — как можно более небрежно бросаю я.

Мэтт оборачивается и уже открывает рот, чтобы ответить, но замечает на мне синюю форму чирлидеров и удивленно распахивает глаза:

— Не может быть! Наверное, стрела отскочила и прилетела мне в голову.

— Ого! Да ты и шутить умеешь! — Я беру из рук парня спортивный лук. Оружие

тяжелое. Я никогда прежде не держала такую штуку в руках. На лице Мэтью играет радостная улыбка. — Чего ты смеешься?

— Что ты, я и не думал смеяться. — Он поднимает ладони. — Честно.

— Ага, я все вижу. Тебе не нравится эта чудесная форма?

— Едва ли на тебе что-то надето.

— Между прочим, тому парню понравилось.

— Логану? Я и не сомневался.

— Это была твоя идея, помнишь? Начать новую жизнь, заняться собой, — я лишь развожу руки в стороны. — Вперед, «Вороны», и все в этом духе.

— «Соколы».

— Да хоть воробьи.

— Ари, ты нормально выглядишь и правильно сделала, что решилась вступить в команду. — Мэтт забирает у меня лук. Не знаю, понимает ли он, но мне гораздо спокойнее, когда он заслоняет меня от любопытных взглядов.

— Все на меня смотрят, — неуверенно начинаю я. Не знаю, почему говорю все это Мэтту, но мне кажется, я могу ему доверять. — Пялятся так, словно...

— Ари...

— Серьезно. Они постоянно на меня смотрят. Здесь. На уроках. На улице.

— Пусть смотрят.

— Но я так не могу, — заглядываю в синие глаза парня, а он в ответ озадаченно хмурится и придвигается еще ближе. — Мне сложно, понимаешь? Я стараюсь не обращать внимания, но это жутко раздражает, у меня уже нет сил...

— Ари, — Мэтт кладет ладонь мне на плечо. — Успокойся. Знаешь, о чем я подумал, когда впервые тебя увидел?

— Знаю. Ты подумал: неужели эта чудачка действительно слушает «Рамоунз»?

— Я подумал, что ты очень смелая.

— Смелая, — эхом повторяю я. — Но почему?

— Ты спокойно подошла ко мне, поздоровалась.

— Так делают все люди, Мэтт.

— Не все. Я бы на твоём месте слова не мог произнести.

— Да ладно тебе. — Я легонько толкаю парня в бок и смущенно поджимаю губы. — Ты бы не растерялся, я точно знаю.

— Да у меня вечно живот сводит, когда я разговариваю с незнакомыми людьми.

— Ну-ну.

— Честно. Волнуюсь так, что ладони потеют.

— Да ты врешь...

— Ну... — Мэтт задумчиво покачивает головой, — ладно. Допустим, живот у меня и не сводит, — он улыбается широко и искренне. — Но ты все равно смелая, Ари.

Я даже расправляю плечи. С Мэттом так легко, будто мы знакомы уже несколько лет. Мне приятно слышать его смех и видеть ямочки на его щеках. Мне приятно просто быть рядом. Хорошо, что я не струсилась и под села к нему на биологии. Возможно, мы станем хорошими друзьями.

— Ну, как скажешь. Если ты и правда так думаешь, я тебе поверю. Так уж и быть.

— Так уж и быть, — улыбаясь, повторяет он.

Я покачиваюсь на носках и смущенно гляжу по сторонам:

— Ну, пойду выкрикивать идиотские речовки. Может, сочиню что-нибудь про форму?

— Ари, ты хорошо выглядишь.

— О, — игриво подмигиваю я, — это мне еще помпоны не выдали.

Мэтт взъерошивает свои угольно-черные волосы. Наверное, приятно их трогать. Интересно, Джил так делает, когда сидит с ним рядом, когда целует его?

Я покрываюсь красными пятнами и отворачиваюсь. О, господи. Что за мысли? Я спятила. Трясу головой и зажмуриваюсь: прекрати, Ари. Возьми себя в руки. Но я вдруг понимаю, что взять себя в руки будет совсем не просто. Мэтт — невероятный зануда, но иногда он смотрит так, что дыхание перехватывает, и с этим, черт возьми, сложно поспорить.

Неожиданно мой взгляд останавливается на одинокой фигуре. Женщина сидит на трибуне и смотрит куда-то вдаль. Вид у нее расстроенный. Ее лицо мне кажется знакомым, но откуда? Где я ее видела? Я хочу подойти ближе, но внезапно передо мной вырастает тренер Хокингс:

— Блэк! Прохлаждаешься? Воздухом свежим пришла подышать?

— Нет, я не... — украдкой смотрю на трибуну. Женщины там уже нет. Наверное, в очередной раз схожу с ума. — Простите.

— Пэмроу! Сюда, живо.

К нам подходит красивая брюнетка с раскосыми глазами.

— Да, тренер?

— Покажи Блэк, где она должна стоять.

— Хорошо, тренер.

— Ты отвечаешь за нее, ясно? Программу вместе разучите. Услышали обе?

Я киваю.

— Хорошо, тренер, — отзывается брюнетка.

Ну, ее и надрессировали... Я почему-то сразу понимаю, что мы с ней не подружимся. Хокингс отходит в сторону, и мисс-само-послушание переводит дыхание.

— У вас здесь все серьезно, да? — еле заметно улыбаюсь я. Брюнетка поднимает на меня пустой взгляд. Я смотрю так на людей, когда мне хочется их убить.

— Ты говорила с Логаном Чендлером, — бесстрастным тоном чеканит девушка.

«Пожалуйста, господи, пусть она просто помолчит!» — молю я.

Но девица подходит ко мне совсем близко и отрезает:

— Лучше не разговаривай с ним больше.

— Я буду общаться с тем, с кем посчитаю нужным.

— Тогда мы все очень расстроимся, когда ты случайно наложишь на себя руки, — одарив меня милой улыбкой, Пэмроу уходит. Глядя ей вслед, я думаю о том, что идиоткам все-таки следует вырывать волосы. Возможно, тогда они будут вынуждены заниматься своей внешностью, а не чужой жизнью.

Пэмроу стоит, вытянувшись по стойке смирно. Загорелые руки на поясе, спина прямая, как струна. Ее вид пугает и восхищает одновременно.

— Познакомьтесь, это Ариадна Монфор, — девушка растягивает губы в фальшивую улыбку, а я помахиваю остальным ладонью.

— Блэк.

— Без разницы.

Девушки настороженно разглядывают меня. Хочется сбежать, но я беру себя в руки.

— Она заменит Стейси, — Пэмроу невзначай касается тонкими пальцами креста на

шее. Вот же черт, она еще и набожная! Может, тут вообще не гимнастикой занимаются, а псалмы распевают? — Ты была когда-нибудь в группе поддержки?

— Нет. Я выступала за команду школы на соревнованиях по спортивной гимнастике.

— Какой вид?

— Вольные упражнения.

— И стойку на руках умеешь делать?

— Легче легкого.

— Круги Деласала-Томаса?

— Без проблем.

— Сальто вперед? — Пэмроу наступает на меня.

— И даже назад.

— Маховое сальто на девяносто градусов и полный переворот на вытяжку?

— Можно попробовать.

— Бланш, винт?

— Могу даже зависнуть в воздухе ради тебя, солдат, — едва заметно поднимаю уголки губ. — Я занималась пять лет. Если ты думаешь, что мне по силам только стойка на лопатках, ты ошибаешься.

— Покажешь?

— Что именно?

Пэмроу задумчиво покусывает губу:

— Хм, сальто вперед через стойку на руках, боковой переворот на девяносто градусов, маховое сальто через стойку на руках и полный переворот на вытяжку.

Она хочет моей смерти? Что ж, назад пути нет, даже несмотря на то, что мне очень дорог мой позвоночник.

Разминаю шею и пытаюсь припомнить, когда в последний раз нормально тренировалась.

Девушки расходятся в стороны. Их шепот пробирается мне чуть ли не под кожу. Это раздражает еще больше.

Набираю в легкие побольше воздуха и разбегаюсь.

Каждый раз, когда я отрываюсь от земли, я представляю, что лечу: мир вокруг исчезает, остается только ветер, поднимающий мое тело выше и выше.

Когда я приземляюсь в стойку с согнутыми коленями, сердце колотится в груди, а на губах играет торжествующая улыбка. Я сделала это. У меня получилось. Я сумела.

Почему я перестала заниматься? Ах да! Славно, что я вообще могу ходить после аварии.

— Неплохо, — Пэмроу выпрямляет спину и буравит меня темными глазами.

— Спасибо.

— Бетани, — девушка протягивает мне ладонь. — Меня зовут Бетани Пэмроу.

— Ариадна Блэк.

Мы жмем друг другу руки. Если это перемирие, злоупотреблять им не стоит.

— Добро пожаловать в команду.

Я киваю и вдруг слышу с трибун чей-то радостный вопль. Оборачиваюсь. Хэйдан не просто улыбается, он громко хлопает в ладоши:

— Вперед «Соколы»!

Прыскаю от смеха и виновато гляжу на Бетани. Девушка поглядывает на Хэрри снисходительно.

— Это к тебе? — деловым тоном интересуется она.

— Хотела бы я сказать, что вижу его впервые...

— ...но это не так. — Бет делается серьезной. — Одна минута.

Она что-то задумала, или ее впечатлили мои пируэты?

Парень в очередной раз выкрикивает что-то, а я уже мечтаю в отместку растрепать его зализанные волосы. Подхожу к трибуне и, картинно закатив глаза, жду, пока Хэйдан спустится ко мне.

— У Мэтта научилась?

— Не думаю, что он умеет делать сальто.

— Я про драматичное закатывание глаз.

— Хэрри, что ты здесь делаешь?

— Разве я мог пропустить такое? — Парень поправляет очки и вытягивает шею, чтобы как следует осмотреться. — Вот это да, ты в логове первородного зла, Ари!

— Это оскорбление или комплимент? — усмехаюсь я.

— Шутишь? Конечно же, оскорбление. — Хэрри широко улыбается и обнимает меня за плечи. Не хочется злить Бетани, но и с Хэйданом прощаться нет желания. Я высвобождаюсь из-под его руки и наконец взъерошиваю его ужасную челку.

— Вот.

— Что ты сделала? — с деланным ужасом восклицает парень.

— Придала тебе божеский вид.

— Я и так был неотразим!

— Хэрри, крутые парни не зализывают волосы гелем, — учительским тоном чеканю я и с прищуром смотрю на парня. — Ты ведь хочешь быть крутым?

— Я и так неизмеримо крут. А если и не крут, ты, как друг, должна меня в этом убеждать.

— Так вот зачем нужны друзья!

— Что это было? — рядом появляется Мэтт. Парень недоуменно хмурит черные брови.

— Понятия не имею, о чем ты...

— Она просто ниндзя, — ворчит Хэрри.

— Ты не перестаешь меня удивлять.

— Я же говорила, что раньше занималась гимнастикой.

— Почему «раньше»? — не понимает Мэтт.

— Потому что... — я поджимаю губы, — так вышло.

— Мэтт, слушай, я спрошу тебя серьезно, а ты серьезно ответишь, — встречается Хэрри, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. — Так мне лучше?

— В смысле?

— Я про челку. Ари сказала...

— Хэйдан.

— Просто ответь. Тебе сложно?

Парни продолжают препираться, а я думаю: «Удивительно, как они вообще друг друга переносят?»

В ожидании окончания перепалки оглядываюсь по сторонам и вновь замечаю одинокую фигуру на соседней трибуне. Женщина с иссиня-черными волосами и бледными впалыми щеками. Та самая, которую я видела здесь совсем недавно и которая так неожиданно исчезла. Кого же она мне напоминает?

В любом случае, ей срочно нужно в больницу. Выглядит она ужасно.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Где? — оба брата смотрят на меня удивленно.

— Та женщина.

— Какая женщина? — Мэтт покачивает головой.

— Ты разве не видишь? Вон там, на трибуне, — протягиваю руку, но парни так и стоят с удивленными лицами. Ого. Отлично. Теперь мне по-настоящему паршиво.

— Минута давно прошла, — откуда ни возьмись появляется Бетани и кидает мне голубые шуршащие помпоны. — Живо.

Подхватив реквизит, оборачиваюсь к трибунам. Вот же дьявол! Женщины там нет.

Меня даже пошатывает. Неужели снова галлюцинации? Так нечестно! Только я пришла в норму, только стала жить как обычный подросток!

— Ты в порядке? — Хэйдан хмурится, пытаюсь выглядеть серьезным, но все равно похож на милого бульдога.

— Все... хорошо. Просто показалось.

— Слушайте, может, сходим сегодня в кино? — Хэрри глядит то на меня, то на Мэтта, и пожимает плечами. — Как нормальные люди, а?

— У нас с Джил планы на вечер.

— Ну, а ты?

— Я? Конечно. Давай. Я не против.

— Отлично! Заскочи ко мне в районе четырех. Я как раз вернусь из библиотеки.

— Я не знаю, где ты живешь, Хэрри.

— Какая досада! Ну так спроси у любого прохожего. Мы с Мэттом довольно популярные ребята, знаешь ли.

Я скептически хмурюсь, а Мэтт закатывает глаза.

— Ладно, — отмахивается Хэйдан. — Пошутить нельзя?

После тренировки все тело ломит от усталости. Я плетусь в раздевалку, потирая взмокшую шею. Душевая переполнена. В облаках пара снуют полуголые девушки.

«Помоюсь дома», — думаю я и смущенно отворачиваюсь.

Переодеться не получится, иначе чистая одежда пропахнет потом. Вау, неужели я добровольно выйду из школы в этой форме? Прямо как истинный представитель этой анорексичной коалиции. Хорошо, что занятия закончились и в коридорах не так много народа.

Уже на улице приходит сообщение от Хэйдана с адресом. Он и правда живет совсем недалеко от меня.

— Какие планы на выходные? — слышу я голос Логана Чендлера, футболиста и просто очень милого говнюка с притягательной ухмылкой и красивыми карими глазами.

Я пытаюсь сделать вид, что не заметила его, но парень не отстает.

— Что будешь делать в субботу? А в воскресенье?

— Думать о тебе, конечно!

— Оу, агрессия? Да я тебе нравлюсь.

— Ага, как только тебя увидела, тут же поняла, что ты — мой идеал. Обними меня, возьми меня, я вся твоя, — монотонно бубню я.

В ответ Логан звонко смеется.

— Я провожу тебя до дома.

— Зачем?

— У тебя плохая репутация, Ари. Тебе нужен сильный мужчина рядом.

— Как только найду такого, сразу дам тебе знать.

— Ты не в настроении?

— Я после тренировки воняю, как кусок дерьма, — сквозь зубы цежу я, а про себя добавляю: «А еще мне мерещатся женщины с мертвенно-бледными лицами. Но это неважно». — Да и настроение не очень. Прости.

— Прощаю, — улыбается Логан.

Ну и наглец! В прошлой жизни мы бы с ним определенно спелись. Но сейчас меня, увы, не интересуют парни, у которых на первом месте репутация, футбол и женские ягодицы. После аварии многие друзья отвернулись от меня. Отвернулся от меня и мой парень. Не так-то легко заботиться о девушке, которая сходит с ума и ревет каждый вечер, когда у тебя вечеринки, матчи и другие, более важные, дела. Наверное, именно в такие моменты понимаешь, сколько у тебя по-настоящему близких людей. Оказывается, в Северной Дакоте их у меня не было.

— Так что ты делаешь на выходных? — Логан забегает вперед и преграждает мне дорогу. Его золотистые волосы блестят на солнце.

— Почему это тебя так интересует?

— Давай поужинаем в воскресенье.

— А ты разве не пойдешь на службу?

— Пойду, — кивает парень. — Но это же не на целый день, Ари.

— Неужели...

— Я заеду за тобой вечером?

— С какой стати ты вообще разговариваешь со мной? — Мы останавливаемся напротив моего дома.

— А почему я не могу с тобой говорить?

— Потому что никто в Астерии со мной не общается.

— А Нортонь?

— Нортонь?

— Мэтт и этот... как его там.

— Хэрри.

— Да, точно! В очках такой. Вы уже подружились, что ли?

— Подружились, а что? — с вызовом отвечаю я, скрестив на груди руки.

— Он чудной парень, Ари. Вечно бродит один, и все такое. В библиотеку ходит...

— О, да. Это действительно очень странно.

— Что он там делает? — искренне удивляется Логан, а я закатываю глаза. Черт возьми, он еще и безголовый. Просто отлично. — Серьезно. Ребята частенько подлавливают его возле столовой. Так он сам им еду отдает. — Логан смеется. — Сам! Никто не отнимает.

Мне не нравится то, что он говорит. Не нравится его самодовольная ухмылка. Я подаюсь вперед и цежу сквозь зубы:

— Не трогайте Хэрри.

Парень поглядывает на меня, задумчиво наклонив голову. В его глазах сквозит нечто гадкое. Определенно чертовски паршивое. Мне делается тошно.

— Поужинай со мной.

— Что?

— В воскресенье.

— Ты серьезно?

— Да.

— Логан, ты на самом деле кретин или притворяешься? — хмурюсь я. — Не собираюсь я проводить с тобой время. Поверь, я на таких, как ты, уже насмотрелась.

— На таких, как я? — удивленно переспрашивает парень.

— Просто оставьте Хэрри в покое.

— Не думаю, что...

— Я сказала, найдите себе другого козла отпущения, — делаю шаг вперед и смотрю Логану прямо в глаза. — Хэйдан — хороший парень.

— Хороший... — повторяет он шепотом.

— И вы больше никогда не тронете его.

— Никогда...

— На твоём месте я бы с ним подружилась. В противном случае я напомню тебе и всему этому чертову городку, почему вы так жутко боитесь моей семьи.

Разворачиваюсь и решительно направляюсь к дому. Пусть не считает меня милой девочкой. Никогда никому обид не спускала, а если дело касалось моих друзей — тут уж вообще берегитесь! Отлично. В моем списке теперь еще один человек, которому я с удовольствием свернула бы шею.

В коридоре темно и тихо.

— Тетя Мэри? Я дома.

Кажется, никого нет. Я одна. Пора расслабиться. А может, я погорячилась? Выставила себя неуравновешенной девицей? Ну, а с другой стороны, что такого? Можно подумать, Логан сейчас кинется в церковь, и отец милашки-душки-Джил организует поход на наш особняк с вилами и факелами. Ерунда. Меня и так здесь считают странной.

Плетусь на пустую кухню. Как бы было здорово сейчас поговорить с тетушками. Но их нет. Мне становится грустно.

Надо бы чем-нибудь перекусить. Открываю холодильник и вдруг слышу странный звук. Острый и пронзительный, будто кто-то скребет когтями по стене.

Горло перехватывает от страха. Колени подгибаются. Хватаюсь за край столешницы и оборачиваюсь в сторону коридора. Какого черта?

Послышалось? Мне послышалось?

В кухонное окно стучатся ветки. Как быстро испортилась погода. Не могу даже пошевелиться. Здесь точно никого нет?

Отчетливый глухой скрип слышится откуда-то из глубины дома. Я вглядываюсь в кажущийся бесконечным темный коридор, словно в лабиринт. Теперь уже не страх, а ужас сжимает горло. Убежать? Нет. Я должна разобраться, в чем дело. В конце концов, это мой дом. Хотя его история, похоже, не из тех, что рассказывают на ночь.

Оконные рамы дребезжат под напором ветра. Беру со стола широкий кухонный нож. Отлично. Теперь мне действительно страшно, и холодный металл оружия не придает мне уверенности, а наоборот, подливает масла в огонь. Что дальше? Идти на звук? Шаги даются легко. А вот дышать трудно. Сердце барабанит в грудную клетку. Все чувства обостряются до предела. Запах сухих трав становится невыносимым, часы тикают так громко, что закладывает уши.

Сквозь грохот пульса слышу звук удара о стену. Резко оборачиваюсь. Перед моими

глазами дверь в подвал. Лицо немеет. Пальцы, сжимающие нож, сводит судорогой. Я должна повернуть эту чертову ручку. «Давай, Ари», — киваю сама себе и открываю дверь. Шум тут же смолкает.

Лестница теряется в сумраке. Шаг. Еще шаг. Еще. Слышу собственное хриплое дыхание. Шарю пальцами по ледяной стене в поисках выключателя и вдруг представляю, как они касаются чьего-то изуродованного лица. Отдергиваю руку. Отлично. Я схожу с ума.

Глаза постепенно привыкают к темноте, и вот я уже различаю небольшое помещение с тремя вытянутыми пыльными окнами. Но здесь никого нет! Могу поклясться, звук исходил отсюда. Я не могла это выдумать! Не могла!

Резкий скрежет заставляет меня вздрогнуть всем телом и обернуться. Опять никого. Внутри вспыхивает пожар из самых горячих, ядовитых чувств, и мне ничего не остается, кроме как стоять во мраке и молчать, теряя связь с реальностью, остатки смелости. Все мысли безжалостно испаряются, и остается лишь одно сильнейшее чувство: ужас.

— Что это? — еле шевеля губами шепчу я, когда вижу на стене глубокие кривые разрезы. Как будто это не бетон, а человеческая плоть, изуродованная когтями диких зверей.

Протягиваю вперед руку. Ничего не понимаю. Какое животное способно оставлять такие следы? Внутри взывает сирена паники. Животное? Становится жутко холодно, когда, прикоснувшись к шершавым порезам, я испуганно повторяю контуры человеческих пальцев. Все слова застревают в горле. Волосы поднимаются на шее, руках, и я моргаю, и смотрю перед собой, но ничего не вижу.

Не животное оставило эти следы. А человек.

Внезапно мир начинает бешено вращаться перед глазами, и я лечу в сторону — нечто невероятно мощное швыряет меня в стену. Нож со звоном падает на пол. Боль жаркой волной катится по всему телу. Надо подняться. Трясу головой, а когда откидываю волосы, сталкиваюсь взглядом с уродливым существом, сидящим на корточках в противоположном углу. Глаза монстра поблескивают из-под слипшихся иссиня-черных прядей. Кажется, они проникают мне в душу, питаются моим страхом. Задыхаюсь от боли и ужаса. Существо скребет окровавленными ногтями потрескавшийся пол. Черные полосы вен проступают на его белом как снег лице.

— Ты, — едва слышно хрипит существо. Его худые, покрытые грязными лохмотьями плечи бьет крупной дрожью. — Ари... п-прости меня.

Я не могу пошевелиться. В ужасе смотрю на трясущуюся фигуру женщины и вдруг понимаю, что я знаю этого человека. Я знаю ее. Это ведь моя тетья... тетья Норин!

— Ари... — хрипит чужой голос. Существо вертит головой, переминаясь на согнутых ногах. — Ари, Ари...

Меня вновь пронзает леденящий ужас. Кошмары в моей семье реальны. Вот их воплощение. Передо мной. Живое, стонущее, словно умирающее животное.

— Тетья Норин... — шепчу я, отлипая от стены. Ноги подкашиваются. — Что с тобой? Боже, что с тобой?

— Нет, — шипит существо.

— Не понимаю.

— Нет.

— Господи, пожалуйста, тебе нужен врач! Твои руки, Норин, тебе нужна помощь! — Осторожно делаю шаг, затем еще один. Тетушка забивается в угол, а я чувствую, как по моим

щекам текут слезы. Этого не может быть. Это не может быть реальностью, не может! — Прощу тебя, Норин, ты должна пойти со мной, ты должна...

Безумный взгляд существа останавливается на моих пальцах, коснувшихся грязных лохмотьев на его плече. Тяжело дыша, Норин растягивает потрескавшиеся синие губы в звериный оскал, обнажив окровавленные зубы.

— Он ждет тебя, — хрипит тетушка и вдруг набрасывается на меня. Из ее горла вырывается животный рык, окровавленные пальцы с вырванными под корни ногтями впиваются в мои плечи. Она жестко отталкивает меня назад, впечатывает в стену и начинает размахивать руками, словно лезвиями, врезающимися в мое лицо, шею, руки. Кричу, а она смеется, позволяя кровавым каплям стекать по узкому подбородку. Жуткий хохот отражается от стен, разносится по комнате и врезается в меня стрелами, и я ничего не могу поделать. Горло дерет от боли, лицо горит от ран, и я ощущаю, как грудь у меня разрывается на миллионы осколков от пронзительного, истошного крика!

— Нет... нет, пожалуйста! — закрываю залитое слезами лицо и сползаю по стене на пол. Монстр, только внешне похожий на мою тетю, рычит прямо над моей головой.

— Норин! Остановись! — раздается крик.

В ту же секунду когти тетушки перестают хлестать по моим зудящим рукам, и я в ужасе открываю глаза, вжавшись в стену с такой силой, что сводит тело.

— Нет, Норин. Посмотри на меня! Это не ты. Посмотри на меня!

Пытаюсь рассмотреть, кому принадлежит голос. Сквозь мутную пелену слез вижу, как Мэри-Линетт хватается изувеченные руки сестры и трясет ее, повторяя:

— Норин! Норин!

Моргаю. Моргаю еще раз и неожиданно осознаю, что должна бежать.

Да. Бежать.

Прямо сейчас.

Бежать.

Ноги не слушаются меня. Тело словно ватное. Спотыкаюсь на первой ступеньке, но все же поднимаюсь. Нужно идти. Туда, вверх, к свету. Стискиваю зубы с такой силой, что, кажется, они вот-вот раскрошатся.

— Ари! — слышу я за спиной. — Нет, Ари, не уходи!

Плывать. Плывать! С невероятным усилием переставляю ноги.

Наконец я в коридоре. Свежий воздух придает мне сил, и я уже бегу к двери. Но ведь мне некуда идти! Некуда! Что мне делать?

Слезы застилают глаза. Бегу наугад, не разбирая дороги. Подальше от этого проклятого дома. От монстров. От всего этого ужаса!

Что это было? Что это, черт возьми, было?! Больше не в силах сдерживаться, рыдаю в голос. Плечи ходят ходуном. Дьявол! Я сошла с ума? Ничего не было! Ничего.

Я вдруг понимаю, что оказалась у дома Нортон. Постучаться? Я вся в крови. Что они подумают? К черту, мне все равно некуда идти. Меня трясет. Боже. Открывайте. Хэйдан. Пожалуйста.

Стучу сильнее. Ну же! Хэрри!

Наконец дверь открывается. На пороге стоит Мэтт. Видимо, он собирался что-то сказать, но так и застыл, раскрыв рот и округлив синие глаза.

— Ари...

— Мне некуда идти, — рыдаю я. — Некуда!

— Что стряслось? — Мэтт обнимает меня за плечи и, приподняв мой подбородок, смотрит в глаза. — Что с тобой? Кто это сделал?

Слезы душат меня, все тело трясет в истерике. Поняв, что ответа он не услышит, пока я не успокоюсь, парень крепко прижимает меня к себе, а я вцепляюсь в его футболку, как в нечто жизненно важное. Рыдания постепенно стихают. Ноги подкашиваются. Нет больше страха. Я вдруг чувствую себя непоправимо разбитой, сломанной, как ветка.

— Идем, — шепчет Мэтт, поглаживая меня по волосам. — Я отведу тебя домой.

— Нет! — восклицаю я и отпрыгиваю в сторону. Я сгибаюсь, будто подстреленный зверь. — Нет. — Гляжу на небо. — Не домой.

Мэтт больше ничего не говорит. Молча обнимает меня и проводит в дом.

Глава 9

Сладкая ложь или горькая правда?

Я сижу, уставив неподвижный взгляд в пространство. Порезы и ссадины горят от лекарств, которыми Хэйдан обрабатывает мои руки.

Что это было? Я действительно видела то, что видела, или просто сошла с ума?

— Не могу поверить, что это сделала твоя тетушка, — снова повторяет Хэрри и морщит вспотевший от усердия лоб. Вид у него оторопелый. — Как она могла, Ари? Раны очень глубокие.

— Это была не она, — отрешенно отвечаю я. — Не тетя Норин.

— Но ты сказала...

— Я помню, что я сказала. Это были ее глаза, ее руки, и все же это была не она.

— Нужно рассказать шерифу, — решительно заявляет Мэтт. — Слышишь?

— Слышу.

— Ты расскажешь?

Поворачиваю голову. Стены небольшой комнаты завешаны плакатами. Мебели совсем немного: стол, стул и черный комод. Встречаюсь взглядом с Мэттью.

— Нет. Не расскажу.

— Но почему, Ари?

Хэйдан устало бросает окровавленную вату в тарелку с остывшей водой и снимает очки.

— Она накинулась на тебя, как одержимая, да? Я понимаю. Я ее уже видел такой.

— Что значит одержимой? — горячо восклицает Мэтт. — Это невозможно!

— Тогда что, по-твоему, произошло? — Хэйдан смотрит на брата и передергивает плечами. Очки нелепо дрожат в его пальцах. — Мы не можем отрицать очевидное. Ари и я видели одно и то же. Думаю, Норин Монфор — больна. Или это не болезнь, а нечто иное, от чего ты так рьяно отрещиваешься. Мэтт, теперь это не «мои галлюцинации».

— А что это теперь?

— Это реальность.

— Чушь! Бесы? Вы шутите, — Мэтт нервно потирает переносицу и улыбается. — О чем вы говорите? Что бы ни произошло в подвале, этому есть рациональное объяснение.

— И какое? — спрашиваю я, бессильно опустив плечи. Внутри пусто, холодно. Мне не страшно. Мне больно, и эта боль особенная. Она тянется вдоль всего позвоночника тонкой нитью. Мэттью подходит ближе, словно чувствует, что я вот-вот взорвусь. — Все в этом городке только и делают, что шепчутся за моей спиной, — хриплю я срывающимся голосом. К глазам подступают слезы. — И теперь я знаю, что они правы. Слухи, предрассудки. Все это реально.

— Твоя тетушка больна, Ари! — Мэтт сжимает мои ладони. — Ей нужна помощь врача, а не священника.

— Откуда ты знаешь? Тебя там не было.

— Это ведь очевидно.

— Очевидно, что ты отрицаешь очевидное, — язвит Хэрри и вновь надевает очки. У него трясутся руки, но он с силой прижимает их к коленям. — Ты можешь не верить людям и слухам. Но поверь нам. Зачем Ари врать?

— Люди иногда видят то, чего нет, — не унимается парень. — Они иногда...

— Я — не сумасшедшая, — я пристально смотрю на Мэтта. — Я знаю, что видела. Тетю Норин, которая рычала и царапала пальцами стены. Кровь на ее подбородке, черные вены на лице. Слышала звуки, которые она издавала. Шипение. Рычание... Это не галлюцинации. Это реальность. Вот она. Я говорю правду.

Мэтт выпрямляется и потирает ладонями лицо.

— Позвоню Джил. — Я уже собираюсь вскочить с кровати, но он продолжает: — Скажу, что сегодня не получится встретиться. Поужинаем с ней в следующий раз.

Мэтт выходит из комнаты. Я опускаю взгляд на свои искалеченные руки и зажимаюсь. Конец спокойной жизни. Она продлилась целых несколько дней. Теперь я даже не жертва слухов и предубеждений. Теперь я действительно в заднице.

[Купить полную версию книги](#)